

шаробани

ХАНИА ХАУЭЛ

Лорен-
грешник

Мюррей и их окружение

Ханна Хауэлл

Горец-грешник

«Издательство АСТ»

2008

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Хауэлл Х.

Горец-грешник / Х. Хауэлл — «Издательство АСТ»,
2008 — (Мюррей и их окружение)

ISBN 978-5-17-115439-4

Никто никогда бы не поверил, что сэр Торманд Мюррей способен на убийство. Но одна за другой гибнут его бывшие любовницы – и он оказывается под подозрением. Мюррею грозит большая беда, и спасти его может только ясновидящая Морейн Росс, которую почитают, но и побаиваются, как всякую колдунью. Морейн готова помочь Торманду и делает все, чтобы назвать настоящего убийцу. Что движет ею? Магический дар, жажда золота – или страсть к красавцу рыцарю, первому мужчине, который вопреки всему увидел в колдунье прекрасную юную женщину, рожденную для любви?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-115439-4

© Хауэлл Х., 2008

© Издательство АСТ, 2008

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ханна Хауэлл

Горец-грешник

Hannah Howell
HIGHLAND SINNER

Перевод с английского В. М. Феоκлистовой

Компьютерный дизайн Г. В. Смирновой

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения Kensington Publishing Corp. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Серия «Очарование» основана в 1996 году

© Hannah Howell, 2008

© Перевод. В. М. Феоκлистова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Глава 1

Шотландия, начало лета 1478 года

Чем это так воняет? Даже сквозь сон Торманд Мюррей чувствовал отвратительный запах, бивший ему прямо в нос. Не открывая глаз, он попытался отодвинуться от этой мерзости, но голову тут же пронзила дикая боль. Торманд застонал и проснулся окончательно. Лежа на боку, он осторожно ощупал голову и практически сразу нашел источник боли. На затылке, под коркой из спекшейся крови и спутанных волос, пальцы Торманда нащупали огромную шишку. Кровотечения не было – значит, он довольно долго находился без сознания, возможно, несколько часов.

Он лежал, ожидая, когда хоть немного утихнет боль, затем попытался открыть глаза. Теперь острая резь ударила по векам, и Торманд выругался. Да, похоже, он ранен серьезнее, чем предполагал, кровь буквально залила его глаза и, засохнув, накрепко склеила ресницы. Мелькнуло смутное воспоминание – некто бросает что-то ему прямо в лицо, потом темнота и провал. Этой мимолетной картинки оказалось явно недостаточно, чтобы получить более определенное представление о том, что с ним произошло.

Некоторое время Торманд лежал, собираясь с духом. Он вынужден был признать, что не только боязнь очередного взрыва боли, но и страх, что попытка открыть глаза окажется тщетной, не позволяли ему с силой разлепить веки, пусть даже и рискуя вырвать себе ресницы. Наконец медленно и осторожно он начал отдиравать с век присохшую корку и уже через несколько минут смог слегка приоткрыть глаза. Стараясь не двигаться, Торманд попытался осмотреться, узнать, нет ли поблизости какой-нибудь лохани с водой, ему срочно нужна была вода, и не только для того, чтобы промыть глаза, – похоже, ему самому надо было хорошенько вымыться, поскольку, кажется, именно он являлся источником этого смрада. Ведь, чего греха таить, бывало, что после очередной попойки от него поутру воняло, как от выгребной ямы. Но такого смрада еще никогда не источало его бренное тело.

И тут он вдруг узнал этот запах. Это был запах смерти. К мерзкому запаху грязной одежды примешивался запах крови – большого количества крови. Гораздо большего, чем могло вытечь из его ран на голове.

Секунду спустя Торманд понял, что лежит без одежды. На мгновение его охватила паника. Может, его сочли убитым и бросили в яму вместе с телами бродяг? Но Торманд быстро отогнал эту мысль, ведь под собой он ощущал не мокрую глину и не окоченевшую плоть, а прохладную ткань мягкой постели. «Наверное, из-за проклятого смрада я слегка повредился в рассудке», – раздраженно подумал Торманд.

Наконец ему удалось полностью разлепить веки, но резкий свет так полоснул его по глазам, что Торманд зажмурился, замычав от боли. Через несколько минут глаза перестало жечь, и он осторожно приподнял веки. Все вокруг выглядело слегка расплывчатым, но ему удалось рассмотреть роскошную спальню, которая показалась ему удивительно знакомой. Сердце Торманда, гулко стукнув, испуганно замерло, и ему вдруг расхотелось обнаруживать источник страшного запаха. Судя по тому, что в той части спальни, куда был направлен его взгляд, сохранился идеальный порядок, борьбы или какой-то схватки с неизвестным противником не было.

«Если в этой комнате лежит мертвец, тебе, парень, лучше выяснить это. Возможно, придется поскорее уносить ноги», – прозвучал у него в голове голос, удивительно похожий на голос сквайра Уолтера, и Торманду пришлось согласиться с ним. Не заметив в видимой части комнаты никаких признаков смерти, он, переборов свое нежелание узнать правду, повернулся. Зрелище, представшее его слезившимся глазам, заставило Торманда издать возглас, очень

похожий на тот, который издавала его племянница Эйни всякий раз, когда видела паука. Сама смерть делила с Тормандом ложе.

Он так резко отшатнулся от труп, что едва не свалился с постели. Стараясь не шуметь, Торманд осторожно поднялся и сразу же увидел стоявший на маленьком столике глиняный кувшин. Расплескивая воду, он ополоснул глаза, с облегчением чувствуя, как стихает резь и уходит раздражающая расплывчатость. Первое, что он увидел, когда наспех вытер лицо, была его одежда, аккуратно сложенная на стуле. Создавалось впечатление, что Торманд пришел в эту спальню как гость и по собственному желанию. Он торопливо накинул на себя одежду и еще раз осмотрел комнату в поисках следов своего присутствия, затем собрал свое оружие и взял плащ.

Понимая, что ему неизбежно придется вновь взглянуть на мертвое тело, он собрался с духом и подошел к кровати. Взглянув на то, что еще совсем недавно было красивой женщиной, Торманд почувствовал, как к горлу подступила тошнота. Тело было настолько изуродовано, что ему потребовалось некоторое время, чтобы понять, что он видит перед собой останки леди Клары Синклер. Он понял это, когда увидел всклокоченные слипшиеся пряди некогда светло-золотистых волос, уставившиеся в пустоту широко распахнутые голубые глаза и сердцевидную родинку, сиротливо темневшую над страшной раной, оставшейся на месте ее левой груди. Лицо женщины было так изуродовано, что даже собственная мать вряд ли смогла бы узнать Клару без этих примет.

Необходимое ему хладнокровие постепенно возвращалось, и Торманд смог внимательно осмотреть погибшую. Несмотря на то что лицо Клары было изуродовано, по перекошенному от ужаса и боли рту можно было определить, что эти страшные раны, или по крайней мере часть из них, женщина получила, когда была жива. Бегло осмотрев запястья и лодыжки леди Клары, Торманд убедился, что женщину связывали и что она скорее всего безуспешно пыталась освободиться от этих пут; это усилило самые мрачные предположения Торманда. Либо бедняжка Клара располагала некоей информацией, которую какой-то негодяй с помощью пыток пытался выведать у нее, либо ей довелось встретиться с человеком, ненавидевшим ее лютой, убийственной ненавистью.

Но этот неизвестный также ненавидел и его, внезапно понял Торманд и внутренне подобрался, готовый к любой неожиданности. Он знал, что никогда бы не появился в спальне Клары ради любовных игр. В прошлом она была его любовницей, но их связь закончилась, а расставшись с женщиной, Торманд никогда не возвращался к ней. И уж тем более он не мог вернуться к той, что стала супругой такого могущественного и ревнивого человека, как сэр Раналд Синклер. А это означало лишь одно: кто-то притащил его сюда – наверняка тот, кто хотел, чтобы Торманд увидел, что сделали с женщиной, с которой он некогда делил постель, а возможно, и для того, чтобы именно его обвинили в этом зверском убийстве.

Эта мысль заставила его сосредоточиться и собраться с силами.

– Бедная Клара, – пробормотал он. – Молю Бога, чтобы не я стал причиной твоих страданий. Возможно, ты была излишне тщеславной, не отличалась особым умом и высокой нравственностью, но такой участи ты, конечно, не заслужила.

Он перекрестился и, прочитав короткую молитву над ее телом, взглянул в окно на быстро светлеющее небо. Надо было немедленно уходить.

– Мне очень хотелось бы позаботиться о тебе, дорогая, но я не могу этого сделать, потому что, похоже, именно на меня хотят возложить вину за твою смерть. Клянусь, я найду тех, кто так жестоко убил тебя, и они мне дорого заплатят за это.

Тщательно проверив, что в спальне не осталось никаких следов его присутствия, Торманд выскользнул из комнаты. Тот, кто совершил это гнусное преступление, не учел одного: Торманд знал все потайные входы и выходы этого дома. Его связь с Кларой была непродолжительной, но весьма бурной, и ему много раз доводилось тайком проскальзывать в этот особняк.

Даже сэр Раналд, получивший этот великолепный дом в качестве приданого Клары, вряд ли знал все тайные ходы, ведущие в спальню его молодой жены.

Оказавшись на улице, Торманд быстро нырнул в полумрак раннего рассвета. Он стоял, прислонившись к высокой каменной стене, окружающей дом Клары, и раздумывал, куда ему теперь держать путь. Мелькнула мысль забыть обо всем и срочно отправиться домой в Дублин, но Торманд знал, что так не сделает. Даже несмотря на то что он никогда по-настоящему не любил Клару – кстати, именно поэтому их бурная связь так быстро окончилась, – он теперь всегда будет помнить, как зверски убили эту женщину. А если его предположение верно и все было сделано для того, чтобы его обвинили в убийстве Клары, обнаружив подле мертвого тела, тогда он просто не имеет права забывать об этом.

И все же прежде всего Торманд решил отправиться домой. Он до сих пор чувствовал запах смерти на своей одежде. Возможно, ему это только казалось, но Торманд понимал, что только приняв горячую ванну и сменив одежду, он сможет избавиться от этого ощущения. Пробираясь домой, Торманд сожалел лишь о том, что никакая ванна не сможет смыть из его памяти вид изувеченного тела бедняжки Клары.

– Ты уверен, что надо кому-то об этом рассказывать?

Отломав кусок сыра, Торманд внимательно посмотрел на своего немолодого товарища. Уолтер Бернс был его сквайром в течение двенадцати лет, и это его более чем устраивало. Бернс был рекомендован Торманду тем человеком, который его самого посвятил в рыцари в нежном юношеском возрасте – в восемнадцать лет. Это была славная битва, и Уолтер доказал, чего он стоит. Но, к удивлению окружающих, отказался принимать посвящение в рыцари. Он не испытывал ни малейшего интереса к славе, почестям и обязанностям, которые являются неотъемлемой частью рыцарского звания. Тогда-то сэр Макбейн и направил его к Торманду. Уолтер продолжил службу, не раз доказывая свою храбрость, и полностью был удовлетворен скромным положением сквайра. Однако в данный момент он чувствовал себя подавленным.

– Мне необходимо узнать, кто это сделал, – жестко произнес Торманд и сделал глоток эля. Голод и жажда мучили его, но он ел и пил совсем понемногу, поскольку страшная картина все еще стояла у него перед глазами, вызывая отвратительную тошноту.

– Но зачем? – Уолтер сел рядом с Тормандом и налил себе немного эля. – Ты выбрался оттуда. Уже почти полдень, и никто не ломится в дверь, крича об отмщении. Так что я склонен думать, что тебе удалось выйти сухим из воды. Зачем кому-то знать, что ты был там? Зачем совать голову в петлю? Насколько я помню, как только твоя страсть угасла, Клара перестала казаться тебе привлекательной. Стоит ли пытаться ради нее восстановить справедливость?

– Как ни печально, но это правда – я не любил ее. Но все же леди Синклер не заслуживала такой жуткой смерти.

Уолтер поморщился и лениво потер рванный шрам на левой, изрытой оспинами щеке.

– Согласен, но я все равно уверен: как только кто-нибудь узнает, что ты был в ее спальне, тебя сразу обвинят в убийстве.

– Мне хотелось бы думать, что мало кто поверит, что я мог сотворить с женщиной такое, даже если бы меня нашли лежащим в ее крови и с кинжалом в руке.

– Конечно, ты никогда бы такого не сделал, и многие в этом убеждены, но это не всегда помогает. Станет ли власть вести расследование, если так просто провозгласить тебя убийцей и повесить? И потом есть люди, которые завидуют тебе и твоему роду и которые с превеликим удовольствием избавились бы от одного из вас. Да вот возьми хотя бы историю своего брата Джеймса. Любой, кто его знал, понимал, что Джеймс не мог убить свою жену, и тем не менее как женоубийца он был объявлен вне закона, и в течение нескольких лет бедолаге пришлось скрываться.

– А я-то думал, что держу тебя при себе для того, чтобы ты вселял в меня надежду и смелость, ободрял меня, особенно когда мне так необходима поддержка.

– Послушай, тебе не стоит оттачивать на мне свой язвительный язык. Я просто говорю правду. Прислушайся к ней, и ты проявишь не свойственную тебе мудрость.

Торманд осторожно кивнул, голова все еще продолжала побаливать.

– Я и собираюсь сделать это. Именно поэтому я решил поговорить только с Саймоном.

Уолтер тихо выругался и сделал большой глоток.

– Ох, он ведь человек самого короля.

– Да, и мой друг. И он очень многое сделал, чтобы помочь Джеймсу. Слава богу, у него настоящий дар разрешать подобные загадки и находить истинных виновников. Дело не только в том, чтобы восстановить справедливость в отношении Клары. Уолтер, пойми, кто-то хотел, чтобы меня обвинили в ее убийстве. Меня должны были найти рядом с ее телом всего в крови. Любой суд обвинил бы меня в этом преступлении и приговорил к виселице. А это значит, что кто-то хочет моей смерти.

– Верно. И хочет не просто смерти, а казни, ведь в этом случае твое имя будет опозорено.

– Точно. Поэтому я и послал за Саймоном, передав, что мне крайне необходимо видеть его по неотложному делу.

Торманд был доволен, что в этих его словах звучит гораздо больше уверенности, чем он испытывал на самом деле. Несколько часов ему потребовалось, чтобы составить весьма нехитрый план действий и написать письмо Саймону. Голос рассудка, твердивший, что нужно просто забыть об этом деле – а именно это и предлагал Уолтер, – становился слишком громким, чтобы его можно было игнорировать. И только уверенность в том, что это страшное дело имеет гораздо большее отношение к нему, чем к Кларе, заставила замолчать этот трусливый голос.

Кроме того, Торманд подозревал, что и неприятная тошнота отчасти вызвана все возрастающим страхом, что его самого ожидает участь бедняги Джеймса. Его названному брату потребовалось три долгих года, чтобы доказать свою невиновность и смыть позорное пятно обвинения. Три долгих года Джеймс провел в бегах. Торманд боялся даже подумать, что злая судьба может и его затянуть в такое же страшное болото. А как все это отразится на его матери, которая и так состарилась раньше времени, переживая за своих детей. Сначала избили и изнасиловали его сестру Сорчу, потом дважды похищали вторую сестру Джиллиан, принудив ее к замужеству после повторного похищения. А потом случилось то несчастье, и Джеймс был вынужден бежать и искать убежища в горах. Нет, нельзя, чтобы его мать опять страдала из-за того, что ее сын оказался втянутым в такую жуткую историю.

– Если бы отыскать какую-нибудь вещь, к которой прикасался убийца, нам наверняка удалось бы разгадать эту загадку, – сказал Уолтер.

Торманд, молча размышлявший над тем, что, возможно, на их семью пало чье-то проклятие, отвлекся от своих мрачных мыслей и хмуро посмотрел на сквайра:

– О чем ты говоришь?

– Я повторяю: если бы у тебя было что-то, к чему притрагивался преступник, мы могли бы отнести эту вещь к Росс – колдунье.

Торманд слышал о ней. Эта женщина жила в крошечном домике в нескольких милях от города. И хотя десять лет назад именно горожане вынудили ее покинуть город, многие по-прежнему обращались к ней за помощью, главным образом за лечебными травяными отварами, которые она готовила. Некоторые люди утверждали, что у женщины бывают видения, которые помогали ей решить их проблемы. Несмотря на то что в окружении Торманда было немало людей, обладавших особыми способностями, он не очень-то верил, что колдунья действительно может творить настоящие чудеса. Чаше всего могущественные и страшные колдуны оказывались просто умудренными жизненным опытом женщинами, которые хорошо раз-

бирались в лечебных травах и могли убедить окружающих, что обладают некоей загадочной силой.

– А с чего ты взял, что она сможет помочь, если я принесу ей такую вещь?

– Потому что она, взяв ее в руки, способна узнать правду. – Уолтер быстро перекрестился, словно боясь, что, даже упоминая об этой женщине, он рискует своей бессмертной душой. – Старик Джордж, управляющий в доме Гиллеспы, рассказывал мне, что когда у леди Гиллеспы похитили кое-какие драгоценности, их светлость отвезла шкатулку, в которой хранились украшения, колдунье Росс, и как только та взяла коробку в руки, то ей было видение и она сразу узнала, как это произошло и кто это сделал.

Уолтер замолчал, и Торманд спросил:

– И что же открылось колдунье?

– Что драгоценности взял старший сын леди Гиллеспы. Прокрался в спальню их светлости, когда она была при дворе, и забрал все самые ценные украшения.

– Чтобы узнать это, и к гадалке ходить не надо. Всем, даже детям, известно, что старший сын леди Гиллеспы тратит слишком много золота на шикарную одежду, женщин и игру в кости. – Уолтер обиженно нахмурился, и Торманд, чтобы скрыть невольную усмешку, отхлебнул эль. – Теперь я знаю, почему парня отправили под надзор деда – здесь, при дворе, для него слишком много соблазнов.

– Хорошо, но попытаться-то стоит. У человека в твоём положении выбор не слишком-то велик.

– Вера верой, но для начала перестань называть Росс колдуньей. Такая слава может погубить женщину, которую Бог наградил особым даром.

– Пожалуй, ты прав. А как ты думаешь, это действительно Божий дар?

– Разве можно представить, что дьявол дал кому-то способность исцелять, распознавать скрытое от глаз или каким-то иным образом помогать людям?

– Нет, конечно. Так почему же ты сомневаешься в ней?

– Потому что многие из этих знахарок, зная лечебные свойства некоторых трав, бахвалятся тем, что могут исцелять любые болезни, видеть будущее или общаться с духами. Но все это делается только для того, чтобы опустошить кошелёк какого-нибудь доверчивого глупца. Они нагло лгут, и нередко их ложь осложняет жизнь тех, кто действительно обладает таким даром.

Уолтер на мгновение нахмурился, очевидно, обдумывая услышанное, затем спросил:

– Так, значит, мы не будем обращаться к этой Росс?

– Пожалуй, нет, я, слава богу, не в настолько безнадежном положении.

– А я на твоём месте не стал бы отказываться от любой помощи. – Низкий голос раздался из дверного проема коридора.

Торманд оглянулся, но появившаяся было улыбка моментально угасла. В данный момент сэр Саймон Джеймс Иннес до кончиков ногтей выглядел официально – истинный представитель короля. Взглянув на его бледное, искаженное холодной яростью лицо, Торманд сразу понял, что Саймону уже известно, почему за ним послали. Что еще хуже, ему показалось, что его друг очень сомневается в его невиновности. Понимание этого причиняло острую боль, но Торманд сразу же твердо решил подавить чувство обиды, по крайней мере до тех пор, пока они с Саймоном не поговорят. Этот человек не только был его другом, он всей душой верил в справедливость, а значит, Саймон обязательно сначала выслушает его и только потом начнет действовать.

Тем не менее когда Саймон широкими шагами направился к нему, Торманд не на шутку встревожился и внутренне подобрался. Весь вид Саймона источал яростное напряжение. Краешком глаза Торманд заметил, что Уолтер, чуть вздернув подбородок, положил руку на руко-

ять меча, демонстрируя, что Торманд не единственный, кто почувствовал опасность. Вновь взглянув на Саймона, Торманд заметил, что тот, не останавливаясь, что-то протягивает ему.

Секунду спустя Саймон бросил на стол перед Тормандом массивное золотое кольцо, украшенное кроваво-красными гранатами. Не веря своим глазам, Торманд уставился на перстень, потом посмотрел на свою левую руку и вновь перевел взгляд на украшение. Проклятие, как же он мог уйти из той комнаты смерти, не заметив, что обронил перстень. Затем с отрешенным спокойствием он подумал, насколько же остер кончик меча Саймона, коснувшийся его горла.

– Нет! Не убивай его! Он невиновен!

Морейн Росс удивленно заморгала, оглядываясь вокруг. Она была дома, сидела в своей собственной постели; не было ни просторной залы, ни рыцаря, приставившего свой меч к горлу друга. Не обращая внимания на ворчанье кошек, уютный сон которых был потревожен ее вскриком, она упала на постель и уставилась в потолок. Это был всего лишь сон.

– Нет, это был не сон, – пробормотала она после краткого раздумья. – Это было видение.

Еще немного поразмыслив, она коротко кивнула, словно соглашаясь с собой. Это определенно было видение. Рыцарь, к горлу которого был приставлен клинок, не был для нее незнакомцем. Уже несколько месяцев Морейн видела его в своих снах и видениях. От него исходил запах смерти, опасность подстерегала его, но его руки никогда не обагрялись кровью.

– Морейн, как ты себя чувствуешь?

Девушка посмотрела в направлении двери своей крошечной спальни и улыбнулась мальчишке, стоявшему там. Уолину было всего шесть, но он уже стал ей хорошим помощником. Малыш всегда очень беспокоился за нее, но Морейн это казалось вполне объяснимым. Она нашла его на пороге своего дома, когда крохе было всего года два. С тех пор они жили под одним кровом, а Морейн стала его матерью, опекуном и единственным другом. Ей очень хотелось, чтобы ее дом стал для него родным, и она старалась, чтобы его жизнь под этим кровом складывалась как можно лучше. Сейчас Уолин достаточно подрос, чтобы понимать, как небезопасно то, что его приемную мать считают колдуньей. Черноволосый мальчик с большими голубыми глазами, к несчастью, так походил на Морейн, что многие думали, что это ее сын, только рожденный в грехе. Все это усложняло их и без того нелегкое существование.

– Спасибо, Уолин, хорошо, – сказала она и привстала, стараясь не потревожить кошек. – Должно быть, уже поздно.

– Полдень, но тебе нужно еще поспать. Ты вчера очень поздно вернулась, когда помогала при родах.

– Ничего, собери что-нибудь поесть, а я сейчас приду.

Одевшись и завязав волосы лентой, Морейн подошла к Уолину, сидевшему за маленьким столом в главной комнате их маленького домика. Увидев на столе хлеб, сыр и яблоки, она одобрительно улыбнулась ребенку, показывая, что тот хорошо справился со своей работой. Морейн налила себе и Уолину по кружке сидра и села на небольшую скамью, глядя на парнишку через грубо отесанный деревянный стол.

– Тебе приснился плохой сон? – спросил Уолин, протягивая Морейн яблоко.

– Сначала я думала, что это сон, но теперь уверена, что это было видение. Опять об этом рыцаре с глазами разного цвета.

Она положила яблоко на деревянную тарелку и аккуратно порезала его на кусочки.

– Он тебе часто является.

– Похоже, что так. И это очень странно. Я не знаю, кто он, никогда не встречала этого человека. И если это видение сбудется, думаю, что никогда его не увижу.

– Почему? – Уолин взял тарелку с кусочками яблока и тотчас начал есть.

– Потому что на этот раз я видела, что какой-то очень разгневанный вельможа с серыми глазами приставил меч к его горлу.

– Но ведь ты говорила, что видишь то, что должно случиться. Может быть, он еще не умер. Может быть, ты должна найти этого человека и предупредить его.

Мореин немного подумала, затем отрицательно покачала головой:

– Нет, вряд ли. Ни рассудок, ни сердце не подсказывают мне, что я должна это сделать. Если бы мне суждено было так поступить, я бы почувствовала настоящее желание тотчас отправиться в путь и разыскать его. Наверное, я даже получила бы подсказку, где его можно найти.

– Может, рыцарь с разными глазами сам придет к нам?

– Что ж, возможно, так оно и будет.

– Здорово!

Мореин улыбнулась и наконец вспомнила, что голодна. Если этот рыцарь появится на пороге ее дома, это в самом деле будет интересно. Но это также может быть и опасно. Она не должна забывать, что за ним по пятам крадется сама смерть. Видения рассказали ей, что не он виновен в кровавых преступлениях, но между ним и теми страшными событиями, в которые он вовлечен, существует какая-то связь. Словно всем, к кому прикасался этот человек, суждено было умереть. Мореин, конечно же, никак не хотела утонуть в жутком омуте, который она всегда видела у его ног. Женщина чувствовала, что судьба рано или поздно сведет ее с этим человеком, и все, что она может сделать, – это молиться о том, что когда он постучит в дверь ее дома, за его спиной не будет стоять старуха с косой.

Глава 2

– Ты намереваешься стать моим судьей и палачом, Саймон?

Торманд наблюдал, как Саймон изо всех сил пытается обрести некое подобие спокойствия и вернуть себе здравомыслие, которые всегда являлись его отличительными чертами. И хотя мысль о том, что Саймон, пусть даже на короткое мгновение, мог поверить, что он совершил такое, причиняла острую боль. Торманд понимал, что у его друга были на то основания. Любой порядочный человек пришел бы в ужас от вида растерзанного тела Клары и непременно бы воспылал желанием собственноручно казнить преступника. Настоящее, пусть и краткое, безумие способно охватить любого человека при виде столь чудовищного злодеяния, поэтому Саймон, обнаружив зажатый в руке Клары перстень своего друга, был буквально вне себя, когда примчался в дом Торманда. Правда, несмотря на потрясение и ярость, где-то в глубине души Саймон не верил в виновность своего молодого друга и, слава богу, не убил Торманда тотчас.

– Почему у нее в руке было зажато твое кольцо? – требовательно спросил Саймон.

– Боюсь, что на этот вопрос у меня нет ответа, – отозвался Торманд. – Но без сомнения, кольцо вложил в ее руку тот человек или те люди, которые перенесли меня в постель Клары.

Саймон некоторое время пристально смотрел на Торманда, затем вложил меч в ножны. Он сел, налил себе кружку эля и выпил ее залпом. Передернувшись от крепкого напитка, он тут же налил себе еще одну порцию.

– Ты был там? – наконец спросил Саймон гораздо более спокойным тоном.

– Да.

Чтобы собраться с духом, Торманд глотнул эля и поведал Саймону все, что ему было известно. Он еще не закончил свой короткий рассказ, как понял, что рассказать может очень немного. По сути, он понимал лишь, что кто-то убил Клару и что этот кто-то не он. Он не знал, каким образом он оказался в спальне убитой. Непонятно было и то, почему оказался на месте преступления Саймон. Безусловно, это могло быть просто роковым совпадением, но интуиция подсказывала Торманду, что на самом деле все оказалось гораздо сложнее. И хотя у него не было никаких доказательств, он был уверен, что подобное совпадение являлось частью какого-то изуверского плана. Оставалось только понять, что это был за план.

– С какой целью ты отправился к Кларе? – спросил он Саймона. – Может, ее супруг вернулся, обнаружил тело и послал за тобой?

– Нет. Я получил записку, как я посчитал, от Клары. – Саймон пожал плечами. – В ней говорилось, что я должен прибыть в ее дом с несколькими своими людьми в точно указанное время и сделать это максимально тайно.

– И ты именно так и поступил? Разве ты настолько хорошо знал Клару, чтобы, получив такое послание, поспешить к ней?

– Я не был с ней так близок, как ты, – медленно протянул Саймон. – И все же я знал ее достаточно хорошо. Она была моей кузиной. – Тень улыбки пробежала по его лицу при виде удивления, которое Торманду не удалось скрыть. – Не бойся, я не собираюсь вызывать тебя на поединок, чтобы защитить ее честь. Честь свою она давно утратила и готова была задирать юбки перед любым смазливym парнем. Мне кажется, она всегда была испорченной, лживой и, лишь потому, что Господь наградил ее хорошеньким личиком, считала, что все должны молиться на нее. Нет, я последовал указаниям потому, что надеялся: Клара предоставит мне доказательства бесчисленных преступных деяний своего мужа, расследованием которых я занимаюсь вот уже несколько месяцев. Надежда была слабенькая, поскольку его делишки и ей приносили определенную выгоду, но я должен был использовать даже такой призрачный шанс.

– А ты не думаешь, что это он мог ее убить? – Едва задав вопрос, Торманд начал сомневаться в такой возможности.

– Нет. Она была ему полезна. Впрочем, даже если бы Клара задумала предать супруга, она была достаточно изворотлива, чтобы не допустить, что ее предательство обнаружат. Но, скорее всего, она никогда не пошла бы на это, поскольку с огромным наслаждением тратила деньги, которые он получал преступным путем. Но тем не менее когда я увидел ее изуродованное тело, я первым делом подумал о нем.

– А потом ты нашел мой перстень, зажатый в ее руке.

– Да. – Саймон поморщился и запустил руку в свои густые черные волосы. – Я не мог поверить, что ты способен на такое, и все же как он там очутился? А потом я вспомнил, что некогда ты был ее любовником. Боже! Я подумал, что, наверное, ты сошел с ума, а значит, тебя нужно прикончить как бешеную собаку. Но теперь я допускаю, что это меня охватило помешательство, если я мог, пусть даже ненадолго, допустить, что ты сотворил такое. У меня осталось ощущение, что тот, кто убил и изуродовал Клару, оставил после себя зловоние своего безумия, а я слишком глубоко вдохнул его.

Торманд кивнул:

– Я тебя отлично понимаю. Когда я понял, что Клара была жива, когда они творили с ней все эти зверства, я задал себе вопрос: а не могли они пытать ее потому, что хотели получить от нее какие-то сведения?

– Не исключено, хотя это и не объясняет, почему все сделано так, чтобы в этом преступлении обвинили тебя. Конечно, есть несколько рогоносцев, которые хотели бы видеть тебя мертвым, но они вряд ли пошли бы на такое злодейство ради этого.

– Я тоже так думаю. – Торманду не понравилась нотка оправдания, прозвучавшая в его голосе, но он постарался игнорировать ее. – И все же я не могу отделаться от чувства, что Клару убили из-за меня. Ведь она была моей любовницей. Напрасно думать, что это...

– Нет. Тебя подставили, чтобы возложить на тебя вину, следовательно, это должно быть как-то связано с тобой. – Саймон положил локти на стол и уставился на кружку с элем. – Ее муж этого, скорее всего, не совершал, а он был бы подходящим подозреваемым. Я располагаю сведениями, где он находился в это время. Он не мог добраться до замка, убить Клару и вернуться в дом своей любовницы, который находится почти в десяти милях. А вот что касается того, пытали ли ее, чтобы получить какие-то сведения... Конечно, у ее супруга есть враги, она могла что-то знать о его делах – возможно, такое, что причинило бы ему большой вред. Но я думаю, что Клара выложила бы все, что ей известно, при первой же угрозе ее красивому личику. А после этого последовала бы быстрая смерть, ее просто бы закололи или перерезали горло. И в любом случае тебя не стали бы впутывать в это дело. – Он посмотрел на Торманду. – Да, все это каким-то образом связано с тобой. Вопрос только в том, с какой целью это было сделано?

– И кто это сделал?

– Как только мы узнаем – зачем, мы сможем начать искать – кто.

Торманд почувствовал приступ тошноты. Ни одна женщина не заслуживала такой смерти, какой погибла Клара, лишь потому, что он когда-то делил с ней постель или она с ним. Что же это за враг, который, чтобы добраться до того, кому он действительно хочет причинить зло, столь жестоко убивает невинных? Это казалось Торманду лишеным смысла. Если кто-то хочет его убить, но слишком труслив, чтобы сделать это самому, он мог просто нанять какого-нибудь разбойника, благо их сейчас множество бродит по дорогам Англии. Если план заключался в том, чтобы очернить его имя, – это можно было сделать, не убивая, тем более так жестоко, невинную женщину. Совершая убийство, его враг сам рисковал быть застигнутым на месте преступления и повешенным – хотя эту судьбу он, очевидно, уготовил Торманду. Кроме того, похоже, в этом жутком преступлении ощущался некий налет безумия, но кто же может разобратся в этом?

– Мои грехи вернулись, чтобы неотступно преследовать меня, – пробормотал Торманд.
– Полагаю, ты немало грешил, приятель, не так ли? – спросил Саймон, и его губы искривились в легкой усмешке.

– Прелюбодеяние, конечно, грех, – произнес Уолтер.

– Спасибо, Уолтер, – хмыкнул Торманд. – Полагаю, что мне это известно. – Он поморщился. – Да, я часто слышал, как это повторяли моя мать, сестры и тетки – в общем, почти все женщины нашего рода.

– Подозреваю, что и кое-кто из мужчин. – Торманд бросил на друга сердитый взгляд, но Саймон лишь шире улыбнулся. – Ну ты ведь и в самом деле был, ну, скажем так, не слишком благочестивым.

– Мне действительно нравится порезвиться в постели с пылкой женщиной. Но какой же мужчина этого не любит?

– Но большинство из них хотя бы пытаются быть осторожными.

– Я тоже не ложился в постель с кем попало.

– Твоя проблема всегда заключалась в том, что у тебя был слишком богатый выбор, тебе всегда предлагалось слишком многое и слишком щедро.

– Да, – согласился Уолтер. – Девушки так и льнут к этому негодяю.

– А негодяй их не отвергает, – добавил Саймон.

– Я считал тебя своим другом, Саймон.

Торманд чувствовал странную смесь боли и обиды.

Саймон усмехнулся:

– Эх ты, я действительно твой друг, но это не означает, что я должен всегда одобрять то, что ты делаешь. И потом, разве ты не допускаешь, что время от времени я просто немного завидую тебе? Скажи, Торманд, тебе хоть немного нравилась Клара?

Торманд вздохнул:

– Нет, но желание на некоторое время меня просто ослепило. Она была очень искусна.

– Ну, это меня не удивляет. Я уже говорил, что свои первые уроки в любви она получила, когда ей едва исполнилось тринадцать. Хотя временами я бываю не слишком разборчив, но должен признаться, что предпочитаю по крайней мере знать девушку, с которой ложусь в постель, потому что хочу наслаждаться не только ее нежной кожей и темпераментом.

Торманд подумал, что у него было не так много женщин, которые соответствовали бы даже таким скромным требованиям Саймона. Ему не хотелось думать, что он действительно, по выражению его кузины Моры, просто жеребец. Но ведь, насколько ему известно, у него нет внебрачных детей, а разве не производство потомства – единственное предназначение жеребцов-производителей? К сожалению, чем дольше он размышлял над всем этим, тем больше соглашался с Саймоном, что в последнее время стал слишком неразборчивым и ненасытным. Уже несколько лет его требования к партнерше по постели ограничивались лишь тем, чтобы женщина была привлекательной, чистоплотной и темпераментной. Вывод, к которому пришел Торманд, был настолько неутешительным, что он с готовностью вернулся к размышлениям о жестоком убийстве Клары.

– Кроме улики против меня, ты не нашел ничего, что бы указывало на настоящего преступника? – обратился он к Саймону, не обращая внимания на искорку насмешки, промелькнувшую в его глазах, которая свидетельствовала о том, что мудрый Саймон легко разгадал попытку Торманда замять разговор о его любовных похождениях.

– Нет, – ответил Саймон. – Ничего, кроме твоего перстня. Ничего, что говорило бы о том, что кто-то еще был в этой комнате.

– Как такое могло случиться? Если бы ей только пригрозили ножом, Клара завизжала бы так, что зашатались стены.

– Скорее всего, ей просто заткнули рот кляпом. Об этом можно догадаться по тому, как было перекошено ее лицо.

Торманд заставил себя подробно вспомнить все, что он видел.

– Похоже на то. Мне кажется, что, скорее всего, ее пытали в другом месте. Учитывая те страшные раны, которые ей нанесли, я должен был очнуться в луже ее крови. Ее и так было много, и, уверен, умерла она именно в постели, но теперь я все больше склонен думать, что все эти раны и порезы ей нанесли заранее.

Саймон кивнул:

– Пожалуй... Кляп кляпом, но если бы ее пытали в спальне, кто-нибудь все равно что-нибудь услышал, ведь бедняжка из всех сил сопротивлялась. Оказавшись на кровати, Клара по-прежнему пыталась освободиться от веревок на запястьях и щиколотках, однако слугам даже в голову не пришло, что она дома.

– В таком случае убийце известны все тайные ходы замка.

– Да, и это означает, что он был с ней знаком, и, может быть, довольно близко. – Саймон поморщился. – Если учесть, что у Клары было множество любовников, сомневаюсь, что тайные ходы в ее доме были действительно тайными. Слуги никогда бы не обеспокоились шумом, доносящимся из ее спальни, если, конечно, речь не идет о криках, от которых кровь стынет в жилах. Значит, они действительно ничего не слышали, как утверждают. Я вернусь в дом Клары и посмотрю, нет ли там каких-то следов, которые говорили бы о том, что ее пытали в другом месте и только после этого перенесли в дом. – Саймон сделал еще один большой глоток эля. – Пойду немного позже. Я послал записку ее мужу, и мне бы не хотелось оказаться там, когда он ее увидит. Он не любил свою жену, и она не любила его, но он ценил ее красоту.

– Да уж, от такого зрелища кому угодно сделается дурно.

– К тому же Раналд не может похвастаться выдержкой. Однако я хочу немного отсрочить встречу с ним не только потому, что не выношу мужских истерик. Как только Раналд немного придет в себя, он сразу же начнет строить из себя знатного вельможу и требовать, чтобы я немедленно нашел убийцу. Он станет говорить долго, обрушит на меня массу бесполезной информации, потом начнет угрожать: мол, если я не найду убийцу Клары, то он пожалуется самому королю. У меня порой возникает желание вызвать его на поединок и слегка стряхнуть с него высокомерие и, возможно, слегка подпортить ему физиономию.

Торманд усмехнулся, но усмешка получилась довольно грустной, ситуация явно не располагала к веселью. Хорошо, что Саймон, несмотря ни на что, поверил в его невиновность, понимая, что его друг хоть и ловелас, но не способен на такое зверство. Плохо, что Саймону не удалось найти ни одной улики, за исключением той, которая была оставлена специально. К сожалению, это означало, что у них практически нет следа, по которому они могут выйти на убийцу. Следовательно, убийца Клары не будет брошен в темницу, а значит, сможет убивать вновь. Если Торманд прав, считая, что именно он является истинной целью убийцы, то на этот раз преступнику не удалось достичь своей цели. Поэтому, скорее всего, он будет убивать снова и снова, пока наконец его злодейский план не сработает и Торманда не повесят.

Торманд налил себе еще эля, всерьез подумывая о том, чтобы напиться до беспамятства. Но нельзя было поддаваться соблазну, и он поклялся себе, что это будет его последняя кружка. В такое опасное время голова должна оставаться ясной. Кто-то хочет не только убить его, но и опорочить его доброе имя. Незвестный враг, так изувечивший Клару, явно готов пойти на все, чтобы добиться своей цели. Торманд понимал, что не заслужил этого мучительного чувства вины, которое он испытывал, но легче от этого не становилось. Если им с Саймоном не удастся покарать убийцу, то, как подозревал Торманд, дело кончится тем, что он готов будет взять вину на себя, лишь бы прекратились убийства.

– Не думаю, что Клара останется единственной жертвой, – сказал Саймон.

Поморщившись от того, что эти слова, словно эхо, повторили его собственные мысли, Торманд кивнул:

– Боюсь, ты прав. Если их цель – отправить меня на виселицу, то провал первой попытки вынудит их попробовать снова. Однако на этот раз они не застанут меня врасплох.

– Думаю, тебе не стоит выезжать одному.

– Это будет не так просто.

– Почему?

– Ну, есть места, где спутник может оказаться лишним.

Только закончив фразу, Торманд понял, что сморозил глупость. В следующий раз ему может повезти меньше, и он не сможет ускользнуть раньше, чем его застанут рядом с убитой женщиной.

Он внутренне поморщился. Наверное, он все-таки бесчувственный тип, если сейчас так заботится о собственной безопасности, но, с другой стороны, если дело закончится тем, что его обвинят в убийстве Клары или какой-то другой женщины, настоящий убийца останется безнаказанным. А Торманд был решительно настроен заставить этого ублюдка заплатить за то, что тот сотворил. Сейчас он мог только молиться, чтобы Господь позволил ему сделать это раньше, чем произойдет новое кровавое преступление.

Кроме того, его душа настоятельно требовала узнать, как все это произошло. Торманд понимал, что эта потребность объясняется главным образом чувством вины, от которого он никак не мог избавиться. Может быть, это чувство исчезнет или хотя бы ослабнет, если он поймет, почему этот неизвестный так сильно ненавидит его. И, подумалось Торманду, так же сильно ненавидит тех женщин, с которыми он делил постель. Преступник, кто бы он ни был, старался изуродовать Клару, полностью уничтожить ее красоту; он искромсал даже ее чудесные волосы. Во всем этом чувствуется не просто первобытная жестокость, но и самая настоящая ненависть. И все же пережитый кошмар не поддавался осмыслению. Как ни печально, Торманд не мог представить ни одного человека – ни мужа, ни любовника, который способен на такое изуверство.

– Ты можешь сколько угодно хмуриться, но это не изменит моего мнения, – сказал Саймон. – Ты вроде бы не глуп, Торманд, а значит, отлично понимаешь, что пока этого сумасшедшего не поймали и не повесили, ты не имеешь права оставаться один.

Торманд, выведенный из раздумья словами Саймона, вздохнул:

– Да, ты, разумеется, прав, но я от всего этого не в восторге.

– Воздержание тебя не убьет, а вот твой неизвестный враг может.

– Воздержание? – Торманд не собирался признаваться, что не спал с женщинами вот уже несколько месяцев, поскольку ему совсем не хотелось обсуждать причины этого. – Господи, да пусть меня лучше повесят.

– Идиот.

– Меня раздражает не то, что я теперь должен ходить с охраной. Я подумал: то, что так сильно изувечили Клару, свидетельствует о дикой ярости и настоящей ненависти к ней, а я не могу представить, что у кого-то она могла вызывать такие безумные чувства. Как это ни печально. Если кто-то решил подстроить все так, чтобы меня заклемили как убийцу, то устраивать такую бойню не было никакой необходимости. Какая-то нелепость получается.

Саймон некоторое время пристально смотрел на него, и Торманд невольно поежился под его взглядом.

– Это всего лишь предположение.

– Вполне разумное, между прочим. Я об этом как-то не подумал. – Саймон пробормотал ругательство. – Действительно, эта расправа, пожалуй, свидетельствует прежде всего о ненависти, причем ненависти к тому, что делало Клару такой привлекательной и желанной.

– И все же это могли быть пытки с целью получить какие-то сведения, – сказал Торманд, хотя по его лицу было видно, что он сам сомневается в своих словах.

Саймон кивнул:

– Возможно, но ведь Клара рассказала бы ему или им абсолютно все, едва ее коснулся бы нож. Все, что она знала, слетело бы с ее губ, как только ей бы отрезали первый локон. Клара была необычайно тщеславной. Ее красота для нее была всем. Потом, не забываяте, скорее всего ей заткнули рот кляпом, а значит, получение секретных сведений вряд ли являлось целью преступников.

– Итак, у нас по-прежнему ничего нет. – Торманд посмотрел на пустую кружку и поборол желание вновь наполнить ее.

– Почему же? У нас есть убийство, которое кто-то твердо решил повесить на тебя, – ответил Саймон. – И это указывает на кого-то из твоих врагов.

– А может, это указывает на врагов Раналда? Что может быть унижительнее для мужчины, чем слава рогоносца?

– Любвеобильность Клары была слишком хорошо известна. Да и свою любовницу Раналд уже давно не скрывает. Нет, все знали, что эта чета ни в грош не ставила супружескую верность. – Саймон встал. – Ну что? Пойдешь со мной? Может, отыщется какой-нибудь след.

Торманд неохотно поднялся. Меньше всего ему хотелось возвращаться на кровавую сцену этого преступления, но это могло помочь им ответить хотя бы на некоторые вопросы. Оставалось надеяться, что хотя бы встречи с Раналдом удастся избежать. Несмотря на то что добрая половина мужчин королевского двора побывала в спальне Клары, к Торманду Раналд относился особенно неприязненно. И его вовсе не радовала перспектива узнать, какую форму может принять эта неприязнь, если он неожиданно столкнется с Раналдом в его доме в то время, как изувеченное тело Клары готовят к погребению. – Ну и ну! – бормотал Торманд час спустя, следуя за Саймоном по одному из тайных ходов дома, по которым частенько пробирались любовники Клары.

Как и опасался Торманд, Раналд пребывал в ужасном состоянии. Он был вне себя и, возможно, поэтому обрушился на Торманда с несдерживаемой яростью. И если бы не сверхъестественная способность Саймона останавливать и улаживать самые напряженные конфликты, то, скорее всего, они с Раналдом скрестили бы свои мечи, сойдясь в поединке прямо в доме, где была убита Клара.

– На мгновение у меня закралась мысль, что он действительно любил Клару, но думаю, он все же оплакивает потерю – хотя бы из корыстных побуждений, – сказал Саймон. Держа в руках яркий фонарь, он шел очень медленно, внимательно осматривая пол. – Какие бы ни ходили вокруг нее пересуды, Клара действительно была полезна мужу. Постоянно меня высокопоставленных любовников, она была в курсе всего, что происходило в королевстве, а эта информация нередко оказывалась ценной для Раналда. Ну и конечно, он, должно быть, очень страдает при виде того, что некогда было его красавицей женой. И все же, думаю, не стоит совсем исключать возможности, что именно Раналд убил Клару. – Саймон неожиданно остановился. – Ага, посмотри-ка на это, – пробормотал он, нагнувшись.

Торманд присел на корточки рядом с Саймоном и стал внимательно рассматривать небольшое пятно, на которое указал его друг.

– Кровь?

Саймон слегка коснулся пальцем пятна, затем, не обращая внимания на гримасу отвращения на лице Торманда, лизнул палец и кивнул:

– Определенно кровь. Нам повезло. Каменный пол в этом тоннеле не позволил ей просочиться в землю, а холод не дал высохнуть. – Саймон выпрямился. – Думаю, это и есть искомый след.

Торманд последовал за другом со все возрастающей надеждой, что они вот-вот разгадают эту тайну. По следам они выбрались из тоннеля, прошли по аллее и двинулись дальше на север, но уже за конюшнями, принадлежащими самому популярному постоялому двору в городе, след потерялся, напрочь затоптанный копытами лошадей и сапогами горожан. Саймон почти час безуспешно пытался снова отыскать след, потом, негромко выругавшись, все-таки отправился за собакой. Торманд по-прежнему следовал за ним, хотя надежда быстро найти ключ к этой загадке начала стремительно таять. Как только Бонегнашер, взяв след, натянул поводок, надежда Торманда вновь начала возрастать. Совсем немного времени спустя пес вывел их к заброшенной лачуге на самой окраине города. Как только они с Саймоном вошли внутрь, Торманд почувствовал запах крови. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять: они обнаружили то место, где пытали Клару. Убийца даже не потрудился хоть немного замести следы бойни. Торманд чувствовал, как к горлу подступает желчная тошнота, но заставил себя остаться с Саймоном. Увидев, как Саймон спокойно и методично осматривает комнату, Торманд решительно превозмог собственную слабость.

Он не обладал талантами, которыми были наделены многие представители его семейства, наверное, потому, что принадлежал к боковой ветви клана, но даже его скромных способностей хватало, чтобы ощутить то, что происходило здесь. Торманд все же закрыл глаза и попытался распознать сохранившиеся отголоски чувств, оставленных теми, кто побывал здесь раньше. Это был нехитрый прием, которому его обучила одна из его наиболее одаренных кузин и который действительно помогал ему максимально использовать свой скромный дар. Уже секунду спустя он почувствовал тяжелый запах панического страха, который, казалось, вытекал из всех щелей убогого жилища. Приподняв голову и по-прежнему не открывая глаз, Торманд сделал несколько шагов в глубину лачуги и сразу же ощутил повисшую в воздухе злобу и почти материализовавшуюся ненависть. К этой смеси кровавого смрада и застывшей жути примешивалось нечто такое, что лишь предположительно можно было определить как безумие.

– Чувствуешь что-нибудь? – спросил Саймон.

Торманд открыл глаза, осознавая, что Саймон, вероятно, давно уже догадывается о его способностях.

– Страх, ярость, ненависть. Но есть и кое-что еще. Я думаю, это безумие.

– Несомненно.

– Ты что-нибудь нашел? – спросил Торманд, выходя вслед за Саймоном наружу и делая глубокий вдох, чтобы избавиться от свербящего в носу запаха смерти.

– Нет, но это именно то место, где было совершено преступление. Когда Клару выносили отсюда, она уже умирала. – Саймон протянул руку. – Впрочем, еще я нашел вот это.

Торманд нахмурился, увидев в руке Саймона небольшую заколку для волос.

– Думаешь, она принадлежала Кларе?

– Конечно, нет. Слишком проста и груба, думаю, она могла принадлежать женщине, которая некогда жила здесь, но я все равно ее сохраняю. – Саймон положил заколку в карман.

– Неужели мы потерпели неудачу?

– И да и нет. Правда, мы не нашли убийцу, но я на это и не рассчитывал. Тут потребуется время.

– А если погибнет еще одна женщина?

– Боюсь, с этим мы ничего не можем поделать.

– И станем спокойно ждать, пока это произойдет?

– Мы не можем приставить охрану к каждой женщине этого города, Торманд. Нет, друг мой, мы продолжим поиски. И до тех пор, пока этот ублюдок не будет болтаться в петле.

«И будем молиться, чтобы первым не повесили меня», – мысленно добавил Торманд.

Глава 3

Морейн постаралась не обращать внимания на то, что лавочник перекрестился, когда она вошла в тускло освещенную маленькую лавку, где он выставял свои товары. У нее появился соблазн уйти, чтобы лишить его пусть и небольшой, но прибыли, но он был единственным бондарем в городе, а ей так нужны были бочонки для уже готового сидра и медовухи. Что ж, она просто не будет обращать на него внимания, как не обращала внимания на других горожан, которые, завидев ее, расступались, крестились, бормотали молитвы или глупо жестикулировали, полагая, что таким образом могут оградить себя от зла. От этого становилось больно и обидно, но она должна привыкнуть к этому, говорила себе Морейн.

«В любом случае все эти люди лицемеры», – подумала она уже сердито. Как только лекарь или повитуха не могли помочь им самим или их близким, они тотчас вспоминали ту, от которой еще вчера отрекшались, осеняя себя крестным знамением. Они приходили к ней, когда нуждались в помощи, которой больше никто не мог им оказать. Что же заставляло их всех стучаться в ее дверь ночью, если при свете солнца они считали ее исчадием ада и боялись даже стоять рядом?

Морейн глубоко и медленно вздохнула, чтобы подавить поднимающийся гнев. Она не должна была сердиться на этих людей, ибо не ведали они, что творили; к тому же гнев вызывал у нее настолько сильную головную боль, что сердиться было просто опасно. Но, взглянув на побледневшего толстяка бондаря, Морейн поняла, что ей не удалось скрыть свои чувства. По его маленьким, округлившимся от страха глазкам было видно, что он до смерти боится, что Морейн прямо сейчас превратит его в жабу или еще в какую-нибудь неприятную тварь. Но она не обладала такими способностями и к тому же была слишком добра.

Морейн уже рассчитывалась за свои покупки, когда вдруг ощутила порыв ледяного ветра и поняла, что это никак не связано с изменением погоды. Она быстро подавила инстинктивное желание по-собачьи понюхать воздух, коротко поклонилась бондарю и молча вышла на улицу. Купленные бочонки привезут к ней домой на следующий день, и нет больше нужды задерживаться в городе, который так бессердечно изгнал ее много лет назад. Что бы там ни витало в воздухе, это не ее забота, твердо сказала она себе и направилась в долгий путь домой.

Как только она дошла до окраины города, где жили те, у кого было достаточно денег на кусочек земли и собственный дом, она увидела, как буквально в нескольких ярдах от нее из дверей богатого особняка выскочил мужчина. Он трясся, его бледное лицо блестело от пота, и он кричал, громко призывая человека короля или шерифа. Морейн сделала несколько шагов по направлению к этому мужчине, намереваясь помочь ему, но внезапно остановилась, повинувшись голосу разума. Люди не ценят ее благодеяний.

Из соседних домов и даже из более оживленного центра города начали сбегаться люди, привлеченные криками мужчины. Морейн торопливо отступила в тень огромного старого вяза. Спрятавшись за стволом дерева, которое было, вероятно, ровесником города, она наблюдала за быстро собирающейся толпой.

Несмотря на то что она могла бы незаметно обойти дом и продолжить свой путь, нечто большее, чем простое любопытство, удерживало ее здесь. Внутренний голос подсказывал ей, что сейчас ей лучше оставаться одной среди толпы. Холод, который она почувствовала в лавке бондаря, ощущался здесь гораздо острее, и она вдруг поняла, что в этом доме кто-то умер, причем умер страшной, жестокой смертью. Морейн не сомневалась, что люди, которые вскоре, ругаясь и грозя неизвестно кому, начнут поиск убийцы, воспримут ее попытку незаметно уйти как поспешное бегство с места преступления.

– Моя жена мертва! – кричал мужчина. – Мертва! Зверски убита в нашей постели!

Он судорожно согнулся, и его вырвало, едва ли не на сапоги двух подбежавших к нему мужчин.

Морейн вспомнила трепет, охвативший ее несколько минут назад. Что ж, предчувствие опять не обмануло ее, хотя лучше бы она ошиблась. Один из двоих подбежавших мужчин, не задерживаясь возле убитого горем вдовца, вбежал в дом, но уже через несколько минут выскочил из него с таким видом, словно сам вот-вот готов извергнуть содержимое своего желудка. По толпе пронесся вздох то ли ужаса, то ли еле сдерживаемого любопытства, словно людям своими глазами хотелось увидеть то, что повергло в такое состояние двух сильных мужчин. Морейн никогда не понимала подобного интереса: ведь если зрелище в доме настолько ужасно, то разве нормальный человек захочет увидеть такое?

Толпа затихла, и Морейн увидела, как люди расступаются, пропуская еще двоих мужчин. Она узнала высокого темноволосого вельможу – это был сэр Саймон Иннес, человек короля, о котором ходили слухи, что он способен разгадать любую загадку. Когда взгляд Морейн остановился на втором, она едва не вскрикнула.

Это был человек из ее видений и снов. С того места, где стояла Морейн, она не могла разглядеть, разные ли у него глаза, но у нее не было никаких сомнений, что это он. Во всем остальном он был точно таким, каким она видела его в своих снах: длинные темно-каштановые волосы, гибкая, широкоплечая фигура. Морейн продолжала оставаться в тени, но подвинулась чуть ближе к дому, надеясь услышать имя человека, который преследовал ее в ее снах.

– Сэр Саймон! – Подавленный горем мужчина схватил Саймона за руку. – Господи, мне нужен именно такой человек, как вы. Изабеллу убили. Она... она... – Мужчина затрясся в рыданиях.

– Попытайтесь взять себя в руки, сэр Уильям, – сказал Саймон. В его голосе звучало спокойствие, которое почувствовала даже Морейн. – Я найду человека, который совершил это. Даю вам слово. Но сейчас я должен пойти и своими глазами увидеть, что произошло.

– Ужасное зрелище, – пробормотал мужчина, который вбежал в дом первым. – Я даже не стал входить в комнату. Одного взгляда хватило.

– Мне тоже, – сдерживая рыдания, подтвердил сэр Уильям. – Достаточно было взглянуть издали, это невозможно вынести. Боже! Изабелла мертва, она убита, зверски убита. Там все в крови. Я даже не смог переступить через порог. – Он неожиданно обернулся к человеку, стоявшему рядом с Саймоном. – А что здесь делает этот негодяй?

– Сэр Торманд Мюррей и раньше помогал мне разрешать такие загадки. И я хочу, чтобы он и сейчас мне помог, чтобы я мог быть уверен, что мы затащим петлю на шею виновного в этом преступлении.

Морейн подумала, что странно говорить о помощи, которую мог оказать сэр Торманд в расследовании убийств.

– Откуда вы знаете, что он не...

– Осторожно, сэр Уильям. – Саймон сказал это таким голосом, что Морейн даже поежилась. – Не бросайтесь словами, которые вы не сможете взять обратно. Вы прекрасно ведете учетные книги, но мечом владеете не столь умело, не так ли? А Торманду не откажешь в таком искусстве, как, впрочем, и мне.

Сэр Уильям тут же замолчал, по всему было видно, что он достаточно серьезно воспринял почти не завуалированную угрозу. Он крепко сжал губы и, сделав несколько глубоких вдохов, произнес:

– Он знал мою Изабеллу еще до того, как я женился на ней.

Сэр Саймон схватил мужчину за плечо.

– Здесь стоит запомнить слова «до того, как я женился на ней».

Мужчины говорили тихо, и, чтобы не пропустить ни одного слова, Морейн осторожно шагнула вперед.

– Он знал леди Клару, а три дня назад ее тоже убили.

В голосе сэра Уильяма опять звучало обвинение, он явно уже забыл об угрозе вызова, но ему хватило ума, чтобы произнести эти слова почти шепотом.

– Боюсь, что мой друг знал слишком многих женщин, – ответил сэр Саймон, – а это говорит о том, что он всего лишь бабник, но никак не убийца. Оставьте его в покое, Уильям. Если вы будете продолжать настаивать на виновности Торманда, то очень осложните мою работу. Когда обозленная толпа начнет требовать крови, мне придется отвлечься от поисков настоящего убийцы и защищать моего друга.

Сэр Уильям кивнул, по-прежнему хмуро глядя на Торманда. Морейн изучающе смотрела на красивый профиль сэра Торманда Мюррея, размышляя о том, что для этого мужчины, вероятно, не составляло труда быть любимцем женщин. Он, конечно же, не виновен в убийствах, но, похоже, погряз в иных грехах. К своему удивлению, она почувствовала, что разочарована.

– Теперь позвольте нам войти и посмотреть, что произошло, – сказал сэр Саймон. – Чем раньше мы исполним свой долг, тем быстрее вы можете заняться Изабеллой. Наверное, вы хотите, чтобы ее обмыли и подготовили к погребению.

– Я не уверен, что это можно сделать, – хриплым нетвердым голосом произнес сэр Уильям. – Она просто искромсана, сэр Саймон. Буквально изрублена на куски. Неужели с леди Кларой сотворили такое же?

Взглянув на сэра Саймона, Морейн поняла, что он раздосадован тем, как быстро расходятся слухи об этих убийствах. Одного того, что женщин знатного происхождения убивают, достаточно, чтобы возбудить в обществе страх и гнев, а то, что их убивали таким зверским образом, распаляло воображение людей, толкало их к самосуду по первому подозрению. Если так же, как рассуждает сэр Уильям, начнут думать другие, то сэр Торманд Мюррей окажется в опасности. И чем больше времени потребуется на поимку убийцы, тем чаще где-нибудь на площади будет собираться толпа, готовая немедленно над кем-то расправиться, а Морейн прекрасно знала, как это страшно.

Когда сэр Саймон и Торманд Мюррей вошли в дом, Морейн на минутку задумалась: уйти или остаться? Пока удача была на ее стороне, и в толпе никто не обратил на нее внимания. Однако если это произойдет, она может оказаться в очень сложной ситуации. Того, кого считают колдуньей, не должны видеть вблизи места зверского преступления. И все же любопытство удерживало ее, хотя, наверное, это было нездоровое любопытство. Морейн хотела знать, что имел в виду сэр Уильям, когда говорил, что леди Изабеллу изрубили на куски. Дав себе обещание ускользнуть, как только станет ясно, что ее узнали, Морейн решила подождать, когда вернутся рыцари.

Едва взглянув на то, что осталось от некогда прекрасной Изабеллы Редмонд, Торманд испытал желание выбежать из комнаты. Ее густые, цвета воронова крыла волосы были отрезаны и разбросаны вокруг тела, хотя похоже было, что их отрезали не в этой комнате. А если даже это было сделано здесь, то, скорее всего, после того, как Изабелла умерла. Но все-таки инстинкт подсказывал ему, что волосы принесли сюда вместе с телом и что вся эта сцена была тщательно продумана. Как и в случае с Кларой, лицо Изабеллы было изувечено. Страшные раны невозможно было сосчитать, и Торманд подумал, как же пришлось настрадаться бедной женщине, прежде чем смерть освободила ее от боли.

– Все гораздо хуже, – пробормотал Саймон. – Значительно хуже. Или убийца ненавидел Изабеллу гораздо сильнее, чем Клару, или он взбесился от того, что в прошлый раз тебе удалось избежать ловушки и тебя до сих пор не повесили.

– Хочется верить, что ей не пришлось слишком долго страдать и что смерть не заставила себя ждать, – сказал Торманд, наблюдая за Саймоном, который внимательно осматривал комнату в надежде найти хоть что-то, что могло принадлежать убийце.

– Похоже, она ждала ребенка.

– О господи, нет. Нет!

– Боюсь, что так. Надеюсь, что Уильям этого не знает, а женщины, которые будут готовить ее к погребению, либо не заметят, либо из милосердия не расскажут ему, иначе он просто лишится ума от горя.

– Как ты определил, что она была беременна?

– Лучше тебе этого не знать. Ты и так бледен как сама смерть.

– Думаешь, убийца во всем убедился и оттого еще больше озлобился?

– Вполне вероятно. – Саймон нахмурился, бросив взгляд на пол у окна. – Они втащили ее через это окно.

Торманд подошел к Саймону и выглянул наружу. Возле стены дома, образуя шаткую лестницу, были составлены старые бочки. Приглядевшись, он заметил капельки крови – след вел от окна вниз на землю.

– Выходит, разбойник, которого мы ищем, силен и довольно ловок.

– Несомненно, силен, но вовсе не обязательно ловок, просто чертовски везуч.

– Снова пустим собак по следу?

– Немного погодя, – ответил Саймон. – Как только сэр Уильям отвлечется и перестанет обращать внимание на то, что мы собираемся делать.

– Боишься, что он захочет присоединиться к нам?

– Как и большинство зевак, которые толпятся перед его домом.

Торманд, поморщившись, представил себе огромную толпу, которая с воплями пускается в погоню неизвестно за кем. Если убийца где-то поблизости, он, конечно же, спрячется. Впрочем, если этот негодяй не умалишенный, то давно уже скрылся. Торманд обернулся к Саймону, чтобы спросить, не нашел ли он еще чего-либо, как вдруг услышал, что крики толпы стали громче.

– Как ты думаешь, что там происходит?

– Не знаю, – ответил Саймон, выходя из комнаты, – но боюсь, что ничего хорошего.

– Смотрите! Ведь это колдунья Росс!

Этот пронзительный крик отвлек Морейн от мыслей о Торманде Мюррее. Она почувствовала, как по ее спине пробежал холодок, и медленно повернулась к толпе. Неподалеку стояла старуха Ида, повитуха, которая указывала грязным скрюченным пальцем в ее сторону, и беспокойство Морейн начало перерастать в страх. Старуха Ида ненавидела ее точно так же, как ненавидела ее мать, поскольку видела в ней соперницу. При любом удобном случае эта женщина старалась навредить Морейн. Да, для встречи с таким врагом ни место, ни время никак не подходили.

– Что ты здесь делаешь, колдунья?

Сэр Уильям крепко схватил Морейн за руку. Тут же она мысленно выругала себя за неосторожность. Если бы она не была так погружена в свои мысли о сэре Торманде, далеко не все из которых были целомудренны, она бы заметила в толпе эту вредную старуху и сразу же потихоньку ушла. Ведь десять лет назад именно Ида подстрекала толпу, которая в конце концов накинута на мать Морейн. Теперь сама Морейн оказалась в ловушке, среди шумящих, распаленных страхом и близкой кровью горожан, которые своими криками напрочь заглушили бы не только ее объяснения, но и голос собственного разума.

– Я оказалась здесь случайно, – ответила Морейн, еле сдерживаясь, чтобы резким движением не вырвать руку из пухлых пальцев сэра Уильяма.

– Она явилась сюда, потому что это место смерти, – пропищала старуха Ида, которая, протиснувшись сквозь толпу, стояла уже совсем рядом и злобно глядела на Морейн. – Такие всегда появляются там, где царит смерть. Они чувствуют ее запах.

– Не говори глупостей! – вспылила Морейн.

– Это я-то говорю глупости? Ха-ха! Я знаю, что ты задумала, ведьма. Ты пришла, чтобы забрать душу убитой.

Морейн уже собиралась дать старухе отповедь, но ее внимание привлек нарастающий ропот толпы. Некоторые горожане уже согласно кивали, явно принимая сторону Иды. Их было не так много, но все же достаточно, чтобы даже не помышлять о бегстве. Если старуха не замолчит, то совсем скоро и другие начнут прислушиваться к лживым обвинениям повитухи. Морейн слишком хорошо помнила, как легко возбуждается толпа, превращаясь в опасное собрание. Ее мать погибла именно потому, что не поверила угрозам проклятой старухи.

– Я всего лишь шла домой, – сказала она, стараясь, чтобы голос ее звучал совершенно спокойно.

– Тогда почему ты оказалась здесь? Ты могла бы срезать путь и пройти стороной, но нет, ты спряталась за деревом, затаилась, а зачем? Вот что я вам скажу, – истошным голосом возопила Ида, обращаясь к толпе, – она пришла, чтобы похитить душу этой бедной женщины!

Морейн взглянула на сэра Уильяма, ища поддержки, но он смотрел на нее так, словно верил всему, что кричала Ида.

– Я не ведьма и вовсе не собираюсь похищать чью-то душу, – тихо сказала она.

– А зачем же ты явилась в город? – требовательно спросил джентльмен. – Тебе ведь запрещено появляться здесь, не так ли?

– Да, сэр Уильям, меня выдворили из города, но почему-то никто из горожан не жалуется, когда я прихожу лечить их или когда я трачу монетку-другую в лавках города.

– И все же это не объясняет, почему ты оказалась возле моего дома.

– А почему вы не спросите, что здесь делают все эти люди? – Морейн бросила сердитый взгляд на старуху Иду. – Почему не поинтересуетесь, отчего они собрались здесь, словно шакалы, почуявшие кровь?

Морейн пожалела о своих словах, как только они вылетели из ее уст. Они лишь подлили масла в огонь, и все больше зевак становилось на сторону Иды, которая продолжала истерично выкрикивать все новые и новые лживые обвинения. От сэра Уильяма ждать помощи не приходилось. Мужчина выглядел так, будто ожидал, что она в любой момент может превратиться в демона, собирающего человеческие души. Потихоньку пытаясь освободиться из его цепких пальцев, Морейн все же не оставляла попытки воззвать к разуму окруживших ее людей. Однако лишь немногие готовы были прислушаться к голосу рассудка. Морейн начала опасаться, что на этот раз судилище может быть более жестоким.

– Ти-и-хо!

Этот крик, разом перекрывший рев толпы, так напугал Морейн, что она опустила на землю ногу, которой собралась ударить сэра Уильяма. Сэр Саймон и сэр Торманд стояли на ступеньках дома, выразительно положив руки на эфесы мечей и сердито оглядывая вмиг притихшую толпу. Морейн взмолилась, чтобы в лице этих рыцарей пришла помощь, в которой она сейчас так отчаянно нуждалась.

Кивнув, как только окончательно воцарилась тишина, сэр Саймон заговорил тихим, но твердым голосом:

– Что здесь происходит? Вы забыли, что это дом скорби?

– Здесь ведьма, сэр, – сказала старая Ида, указывая на Морейн.

– Да, – поддержала ее полная сидящая женщина. – Ида говорит, что она пришла, чтобы похитить душу мертвой дамы.

Сэр Саймон обвел толпу таким взглядом, что многие, смутившись, опустили глаза. Морейн была рада, что этот взгляд, полный негодования и презрения, обращен не на нее. Лица сэра Торманда она не видела, но напряженная – словно перед броском – фигура и решительно расправленные плечи говорили ей, что помощь, о которой она молилась, пришла.

– Горожане! Вы не должны верить подобной чуши. – Голос сэра Саймона вновь загредел в полную силу. – А тебе, женщина, – он перевел взгляд на Иду, – следует думать, прежде чем молоть всякий вздор. Молчи и запоминай! – рявкнул он, когда Ида робко попыталась возразить. – Бездоказательно обвиняя эту девушку в колдовстве, ты рискуешь собственной шеей. Тебе все понятно, Ида Брюс?

Старуха молчала, бросая на Морейн взгляды, полные ненависти. Сэр Уильям сначала ослабил хватку, а потом, густо покраснев, и вовсе отпустил руку Морейн.

– Это и есть та самая женщина? – спросил сэр Саймон, повернувшись к Морейн.

Сэр Уильям кивнул в ответ, и Саймон подал ей знак подойти поближе. Сэр Уильям довольно грубо подтолкнул Морейн к ступеням дома, но тут же стушевался под гневным взглядом Саймона. Морейн подошла к крыльцу, спокойно глядя на сэра Саймона, хотя сейчас ей больше всего хотелось взглянуть на Торманда Мюррея, человека, который уже несколько раз являлся ей в сновидениях.

– Кто вы такая, сударыня? – спросил сэр Саймон.

– Это колдунья Росс, – подал голос сэр Уильям.

– Это та самая женщина, которую изгнали из города еще десять лет назад? – Сэр Саймон окинул Морейн взглядом, затем сердито посмотрел на толпу: – Она, должно быть, была тогда совсем ребенком, а вы, жестокосердные, бросили ее на произвол судьбы. Неужели ребенок мог так напугать вас?

Многие в толпе стыдливо опустили глаза, не рискуя встретить гневный взгляд сэра Саймона. Саймон покачал головой и вновь посмотрел на Морейн:

– Назовите ваше имя.

– Морейн Росс, – ответила она.

– Я не верю тому, что болтает эта старая женщина. – Он слегка усмехнулся, когда Ида возмущенно ахнула. – Совершенно ясно, что она пытается избавиться от соперницы. Но ради тех, кого убедила ее ложь, расскажите мне, почему вы здесь.

– Я приехала в город купить бочонки для сидра и медового напитка. – Краешком глаза Морейн заметила бондаря, который старательно прятался за спины других горожан. – Вон там бондарь, сэр. Он может подтвердить мои слова.

Бондарь выглянул из-за плеча какого-то верзилы и посмотрел на сэра Саймона.

– Да, сэр, так оно все и было. – Он почесал свой объемистый живот. – Правда, я удивился, что она так скоро дошла сюда, возвращаясь домой. Должно быть, шла очень быстро.

– Эй, Ида, а может, она летела? – крикнул со смешком кто-то из горожан. В толпе послышался смех, и Морейн почувствовала, что общее напряжение спадает, а страх начинает покидать ее. Как было бы хорошо, если бы после этой стычки люди перестали верить небылицам, которые рассказывает о ней старуха Ида. Но к сожалению, такое вряд ли возможно. Ну да ладно, по крайней мере сейчас она в безопасности.

– Я же говорю вам, что она ведьма, – выпалила Ида, не желая сдаваться.

– В самом деле? – спросил сэр Торманд. В его низком холодном голосе слышались нотки язвительности. – Она кому-нибудь причинила вред? – По толпе пробежал шепоток отрицания. – Она обманывала вас? Воровала у вас? – На каждый вопрос толпа отвечала отрицательным бормотанием. – Тогда скажите, знаете ли вы тех, кого она вылечила? – На этот раз ответом было несколько кивков.

– Но если она не ведьма, почему же ее изгнали? – спросил какой-то молодой человек.

– Я думаю, что кое-кто сознательно подстрекал людей, распространяя заведомую ложь. А потом слухи разошлись и ничего уже нельзя было поделать.

Торманд слегка улыбнулся, когда на Иду почти все в толпе начали бросать сердитые взгляды – эта женщина явно не впервые затевала свою смертельную игру. Он подумал о том, кто же пострадал в предыдущий раз.

– Расходитесь по домам. Вы опозорили себя таким неподобающим поведением перед домом скорби и тем, что прислушивались к наветам этой старой коровы.

Мореин пристально смотрела на Торманда Мюррея. Сердце подсказывало ей, что рыцарь не только хочет успокоить почти неуправляемую толпу, но и искренне возмущен поведением горожан. Тут же, прислушавшись к своим тайным мыслям, Мореин поклялась себе, что не позволит себе вспылать страстью к этому человеку. Его высокое положение почти не оставляло ей шансов на взаимность, а его репутация ни одной женщине не позволяла надеяться на верность своего избранника. Поэтому единственное, что она могла, – это сделать все возможное, чтобы Торманда Мюррея не повесили за преступление, которого тот не совершал.

Еще некоторое время Торманд наблюдал за расходящимися горожанами, затем перевел взгляд на Мореин Росс, и когда их взгляды встретились, тут же почувствовал, как у него перехватило дыхание. Она смотрела на него удивленно и слегка настороженно. Ее совершенно черные как смоль волосы ниспадали до талии густыми волнами. Невозможно было разглядеть ее фигуру, скрытую темным плащом, но ему все же удалось уловить очертания высокой пышной груди и приятную округлость бедер. Ее нельзя было назвать миниатюрной, как некоторых женщин его рода, но и высокой она не была. Наверное, если бы эта девушка стояла вплотную к нему, ее макушка касалась бы его подбородка.

Однако больше всего он был очарован ее лицом. Темные брови изящно изгибались над прекрасными глазами, длинные и густые ресницы загадочно оттеняли синеву глаз. Слегка золотистого оттенка кожа лица была идеально чистой, что само по себе являлось большой редкостью. Невольно в голову пришла грешная мысль, а какого оттенка кожа ее тела, но почувствовав, что эти мысли возбуждают его, Торманд решительно прогнал их прочь. Ее нос был маленьким и прямым, а черты лица – словно аккуратно вырезаны искусным скульптором: от высоких скул до поразительно изящного подбородка. Рот был несколько широковат, но губы, соблазнявшие своей припухлостью, были яркими, сочными, зовущими. Совсем не такую женщину он ожидал увидеть, когда Уолтер говорил о колдунье Росс.

– Идите домой, госпожа Росс, – сказал Саймон. – Будет лучше, если вы постараетесь некоторое время не появляться в городе.

– Потому что после сегодняшней неудачи Ида может начать распространять еще более зловещие небылицы? – спросила Мореин, чувствуя, как от несправедливости происходящего ее охватывает гнев. Задавая вопрос, она уже знала, что в ответ прозвучит твердое «да».

– Боюсь, что так. Это несправедливо, но сейчас неподходящее время выяснять отношения. – После того как Мореин, поклонившись, ушла, Саймон повернулся к сэру Уильяму: – Теперь я закончил. Вы можете вернуться к жене. Приношу вам свои глубокие соболезнования.

Сэр Уильям кивнул, потом посмотрел вслед уходившей Мореин.

– Вы уверены, что она не ведьма? Церковь говорит...

– Церковь говорит многое, но не все прислушиваются к церковникам. Она не колдунья, сэр Уильям. Она хорошая целительница. Ничего более. Поверьте мне.

– Говорят, у нее бывают видения.

Саймон кивнул:

– Я слышал об этом, но если такие видения лишь помогают людям, какой от них вред? Идите, сэр Уильям, займитесь вашей супругой и позвольте нам заняться поисками убийцы.

Когда Саймон и Торманд двинулись в путь, Саймон тихо произнес:

– Десять лет, десять лет назад город изгнал ребенка.

– Да. – Торманда удивило, какой гнев он испытал при мысли об этом. – Я ожидал увидеть женщину пожилую, может, даже старую. Что ж, возможно, в предложении Уолтера есть смысл.

– Что за предложение?

– Он предлагает отнести к этой Росс какую-нибудь вещь, которой касался убийца, – что, если ее видение поможет нам в поисках?

– Тебе просто хочется вновь ее увидеть.

Торманд лишь улыбнулся. Он не станет отрицать очевидного. Но сейчас его больше беспокоило то неожиданно сильное влечение, которое он испытал к ней. Никогда еще его интерес не возникал так быстро и так неожиданно. Это даже внушало некоторое беспокойство. Пусть она не колдунья, но эта девушка определенно обладает притягательной силой, и Торманд чувствовал, что эту силу скоро испытает на себе.

Глава 4

Его глаза пылали такой страстью, что когда он смотрел на нее, Морейн ощущала их жар на своей коже; разного цвета, они ярче заискрились голубым и зеленым, когда он заключил ее в свои объятия. Морейн застонала, ощущая вкус его губ на своих губах. Когда он требовательно завладел ее ртом, а его ловкий язык возбудил в ней страсть, которой Морейн никогда не испытывала ранее, она в изнеможении обвила руками его сильное тело.

Желающая его и готовая на большее, она нетерпеливо срывала с него одежду, одновременно помогая ему освободить ее от платья. Наконец оба оказались полностью обнаженными. У нее перехватило дыхание, а когда их разгоряченные тела сплелись, она застонала от удовольствия. Поджарый и сильный, он был к тому же удивительно красив, и она, изнемая от желания, ласкала его гладкую кожу своими жадными руками. Она недвусмысленно ощущала всю силу его страсти, и, словно отвечая на его призыв, ее груди налились, а соски буквально вспыхнули от жажды прикосновений.

Он уложил ее на широкую мягкую постель; тонкие льняные простыни приятно охладили разгоряченную плоть. Когда пылающее страстью мужское тело опустилось на женщину, она с радостью приняла его вес, вскрикнув от переполнявшего ее желания. Его теплые, мягкие губы двигались по ее шее, оставляя за собой след восхитительного огня, а она в исступлении оглаживала его широкую мускулистую спину. Когда жар его губ опалил ее грудь, Морейн выгнулась в молчаливом требовании.

Но внезапно все исчезло, исчез и он, оставив лишь холодную пустоту под ее разгоряченными ладонями. Она испытала боль, словно вместе с ним исчезла и частичка ее души. Она села на постели, оглядываясь в поисках мужчины, но вдруг кто-то невидимый жестко опрокинул ее на спину. Ее лодыжки и запястья неожиданно оказались привязанными к столбикам кровати, и тяжелая удушливая волна страха моментально нахлынула на нее, окончательно лишая воздуха. В ее ноздри хлынул терпкий запах духов, и она закашлялась. Судорожно вздохнув, Морейн выкрикнула имя любимого, призывая его на помощь.

– Твой возлюбленный обречен, – прошептал тихий ледяной голос. – Как и ты, ведьма.

Морейн увидела окровавленный нож в изящной руке и пронзительно закричала.

Испугав кошек, Морейн резко села в кровати и огляделась вокруг. Вид ее собственной спальни лишь слегка успокоил тяжело бьющееся сердце. Вот уже в третий раз ей снится этот сон. Каждый раз он повторялся, становясь все подробнее. Морейн не была уверена, что она снова сможет пройти через это испытание, даже несмотря на то что сон мог дать ответ на вопрос, почему этих бедных женщин убивают и кто это делает. Не важно, что ей так тяжело было вспоминать то, что она видела в своих снах. Морейн чувствовала, что в сновидениях крылась разгадка страшных убийств.

– Но какое отношение имеет к этим убийствам сэр Торманд Мюррей? – вслух спросила она.

Морейн выглянула в крошечное окошко и, увидев, что лучи восходящего солнца уже осветили небо, негромко чертыхнувшись, тут же перекрестив произнесший богохульство рот. Легкий шум у двери привлек внимание Морейн, и ее сердечко затрепетало от страха, но из-за приоткрытой двери на нее с беспокойством смотрел Уолин.

– Ты кричала, – сказал он с испугом.

– Похоже, что так, – кивнула Морейн. – Меня очень тревожат эти видения. Думаю, они пытаются передать мне что-то очень важное, хотя я пока не могу понять, что именно. Кроме того, сны немного отличаются один от другого. – Морейн не сказала мальчику, что из своих видений она все-таки кое-что узнала: именно благодаря снам она со всей отчетливостью

поняла, что хочет, чтобы Торманд Мюррей стал ее возлюбленным. – Прости, что разбудила тебя, но, к сожалению, не могу тебе обещать, что это не повторится снова.

– Ладно, ведь уже светает, а значит, все равно пора вставать.

– Верно. Иди одевайся, дорогой, а потом мы позавтракаем и решим, чем будем заниматься сегодня.

Как только мальчик ушел, Морейн снова устала в потолок. Ее посещали тревожные сны – не только потому, что они неизменно заканчивались сгущающимся мраком. У нее никогда не было таких снов о мужчине. Несмотря на мрачную концовку этих видений, по утрам ее тело буквально изнывало от желания, которого она раньше никогда не испытывала. И Морейн никак не могла понять причину этого: ведь во плоти она видела этого рыцаря лишь однажды, когда он защитил ее от наветов злобной старухи. Конечно, ей не следует предаваться мечтам и представлять себя рядом с ним обнаженной. С какой стати? Особенно после того, как друг назвал его бабником, подумала со вздохом Морейн, потом решительно встала и пошла чистить зубы.

Итак, две женщины были зверски убиты. Судя по тому, что сказал сэр Уильям, Торманд Мюррей знал их обеих. Если череда смертей среди бывших возлюбленных сэра Торманда Мюррея не прекратится, то очень скоро дело примет такой оборот, что вокруг его шеи затянется петля.

У своих редких посетителей Морейн немного расспросила об убитых женщинах. Леди Клара и леди Изабелла знали многих мужчин, хотя, по-видимому, после алтаря леди Изабелла была верна своему мужу. Однако сэр Уильям по-прежнему подозревал Торманда, и Морейн понимала, что в конце концов и другие будут думать так же. Ее видения, равно как и интуиция, говорили ей, что Торманд невиновен, но она понимала, что ее уверенность не сможет защитить рыцаря от петли – ведь и раньше случалось, что невинных тащили на виселицу.

Одевшись, она присоединилась к Уолину, который уже ожидал ее за скромно накрытым столом. Завтракая, Морейн продолжала обдумывать сложившуюся ситуацию. Она непременно должна сделать что-то, чтобы спасти Торманда от виселицы. К этому ее подталкивали видения, уверенность в его невинности и надежда, что ей удастся придумать какой-нибудь толковый план до того, как окажется слишком поздно.

Они пропалывали огород, когда Уолин наконец заговорил о ее снах:

– Может быть, тебе стоит пойти к сэру Торманду и поговорить с ним? Это ведь он тот самый человек с глазами разного цвета?

– Да, это он, – ответила Морейн и посмотрела на парнишку. – И что же я скажу ему, Уолин? Я вижу вас в своих снах, сэр? Да, он уберет меня от злобной толпы, но это не означает, что он прислушается к моим словам или заинтересуется моими видениями. Боже! Да он просто подумает, что я пытаюсь соблазнить его.

– Потому что он бабник?

Морейн мысленно поморщилась, подумав, что, наверное, было неразумно говорить все это Уолину.

– И поэтому тоже. Но что он сможет сделать, даже если поверит моим снам? Он и так помогает сэру Саймону в розысках убийцы и скрываться явно не собирается. Сны, которые заставляют меня кричать по ночам, пытаются подсказать мне, кто убивает этих женщин, но пока я не увидела в них того, что могло бы помочь сэру Торманду.

– Может быть, ты что-то упускаешь? Такое может случиться, когда человек напуган.

– Верно, мой сообразительный мальчуган. Поэтому я просто обязана разобраться в своих снах. – «Даже если они заставляют меня испытывать ужас и страстное желание», – подумала она с сожалением. – Надо поторопиться. Ведь с каждым днем он все ближе подходит к виселице.

– Морейн! – раздался женский голос где-то перед домом.

– Я в саду, Нора! – Морейн улыбнулась, когда ее самая верная и преданная подруга вошла в сад. – Как я рада тебя видеть! Дай мне закончить работу, и мы сядем в тени и выпьем сидра.

– Это меня вполне устроит, – сказала Нора, легонько теребя густые завитки Уолина.

Вскоре Морейн уже присоединилась к Норе, сидевшей в тени огромного бука, росшего у самого дома. Она подала подруге кружку холодного сидра и присела рядом с ней на грубую скамейку, срубленную из потемневших от времени бревен. Потягивая сидр, Морейн некоторое время наблюдала, как Уолин играет с кошками, потом повернулась к Норе.

– Молодец, что зашла, но вообще-то не ожидала, что ты появишься раньше следующей недели, – сказала Морейн.

Нора залилась румянцем и вытянула левую руку.

Морейн с изумлением увидела серебряную ленточку, которую носила ее подруга.

– Джеймс наконец-то предложил тебе руку и сердце? Вы помолвлены? – Когда Нора кивнула, Морейн улыбнулась и горячо обняла ее. – И будет настоящая свадьба, да?

– О да. Все должно быть как положено. Я выхожу замуж и хочу, чтобы никто в городе не осуждал этот брак.

Огонек упрямства в темных глазах Норы сказал Морейн, что именно так и будет.

– Значит, семья Джеймса приняла тебя?

– Приняла. Они хорошие люди, и я не виню их в том, что они хотели для своего сына более выгодной партии. Я не дочь свинопаса, но наша семья не может гордиться благородным происхождением. У меня нет земли, которую я могла бы принести в приданое, да и само-то приданое очень скромное. Но родители Джеймса понимают, что такое любовь, и не собираются лишать своего сына счастья. – Нора выпрямилась и посмотрела Морейн прямо в глаза: – Я сказала, что ты будешь моей подружкой на свадьбе.

– Нет, Нора, это невозможно, – запротестовала Морейн.

– Да, и я с радостью могу сказать тебе – они не стали возражать, так что не беспокойся, ты не окажешься нежеланной гостьей. Единственный вопрос, который у них возник, касался Уолина. Ты знаешь, что почти весь город уверен, что он твой незаконнорожденный сын.

– Да, знаю. Это причиняет мне боль и частенько осложняет отношения с мужчинами, но я никогда его не брошу.

– Я им так и сказала. И еще напомнила, как Уолин появился в твоём доме. Знаешь, то, что ты приютила ребенка, несмотря на все будущие трудности и риск потерять свое доброе имя...

– Какое доброе имя? «Колдунья Росс»?

Нора не обратила на ее слова внимания и продолжила:

– И то, что ты продолжаешь бороться, чтобы выжить, похоже, привлекло их на твою сторону. Ведь тебе было всего тринадцать, когда тебя вышвырнули из города, ты осталась совсем одна и все-таки не пала духом, справилась, выжила. Они даже и не думали, что ты так молода. Так ты придешь?

Морейн очень сомневалась в разумности своего присутствия на свадьбе подруги, но промолчала. Нора и ее семья не могли повлиять на власти города и положить конец изгнанию Морейн, но благодаря их помощи она не только смогла выжить, но в некотором смысле даже процветала, – кроме того, они всегда старались пресекать ходившие о ней нелепые слухи.

– Хорошо, приду. Когда?

– Через месяц после нынешнего воскресенья. Уолина я тоже приглашаю. – Прежде чем Морейн успела возразить, Нора продолжила: – У меня возник и другой повод тебя повидать. – Она вздохнула и сделала большой глоток сидра. – Еще одна женщина убита.

– О нет! – Морейн сразу же стало ясно, почему на сей раз она видела во сне окровавленный нож.

– Увы... Леди Мари Кэмпбелл, супруга землевладельца Банлоха. Он сейчас в городе, привез на продажу шерстяные ткани, которые изготавливает его клан. Слава богу, хоть эта женщина не носила ребенка.

– А разве одна из погибших была беременна?

– Леди Изабелла. Но это не ребенок ее мужа, ведь последние полгода он провел во Франции. А плод, который носила его жена, был совсем маленьким.

– Но я слышала, что в отличие от леди Клары она была верна своему мужу.

– Видимо, нет. Впрочем, знаешь, это всего лишь слухи. Подозреваю, что больше всего будут говорить о ее добром имени. Большинство людей не вспоминают об умерших плохое. Ну по крайней мере пока ее не начнут забывать. Как бы то ни было, леди Мари была добродетельной супругой, любила своего мужа, а он – ее. Банлох совершенно безутешен. Он готовится к тому, чтобы отвезти ее тело домой. Бедняжка. Теперь он вдовец с двумя малолетними сыновьями.

– Что же происходит? – прошептала Мореин. – У нас и раньше случались убийства, но до сих пор не было ничего подобного. Знатных женщин не убивали никогда, тем более таким зверским способом.

Нора покачала головой, ее каштановые локоны живо заплясали от этого движения.

– Я тоже не понимаю, что творится. Ты совершенно права – когда двор находится так близко, жди неприятностей, но чтобы случалось такое... Ты знаешь, повсюду судачат о сэре Торманде Мюррее. Похоже, он знал всех этих женщин до их замужества. И некоторые находят этот факт весьма подозрительным.

– Он ни при чем. Возможно, он... гм... жеребец, как многие мужчины, но не убийца.

Нора удивленно заморгала:

– Ты знаешь его настолько хорошо?

Мореин поморщилась и устало потеряла виски.

– Нет, я встретила его только один раз, если не считать моих снов.

– Ты видела в своих снах Торманда Мюррея?

– Я подозреваю, что многие женщины видели его в своих снах, – протянула Мореин. – Думаю, этот человек погряз в плотском грехе до самых ресниц своих красивых глаз, но не он убил этих женщин. В течение последних трех ночей у меня были видения, от которых я просыпалась с криками и дрожа от страха. Сначала я узнала сэра Торманда, и все было хорошо. – Она почувствовала, как залилась румянцем, и увидела, что Нора улыбнулась, но решила продолжить: – Сны заканчиваются тем, что я лежу привязанная к кровати, сэра Торманда нигде не видно, а на меня накатывает тяжелый запах опасности.

Нора потянулась к подруге и ласково погладила ее руку.

– Чаще кажется, что это не дар, а проклятие, верно?

– Да, тем более что я никому не могу рассказать об этих снах. Кто станет меня слушать? Лишь немногие, но и они, скорее всего, не верят ни мне, ни моим видениям. А если поверят, то, как и остальные, будут считать меня ведьмой или в лучшем случае безумной.

– Людей, которые верят этим слухам, на самом деле не так много, как ты думаешь. Но продолжай: твои видения хотя бы намекают тебе, кто настоящий убийца?

– Я думаю, что они пытаются указать мне путь. В каждом сне я вижу чуть больше, но смысл не могу уловить. Помню только, что от того, что я вижу, становится так страшно, что я кричу и... просыпаюсь. Боюсь, я начинаю пугать бедного Уолина.

– Не волнуйся. Он боится за тебя, опасается, что тебе каким-то образом причинят боль. Но я все же надеюсь, что сны дадут тебе ответ на все вопросы раньше, чем ты ослабнешь или заболешь.

Мореин слабо улыбнулась:

– Неужели я так плохо выгляжу?

– Нет, подруга моя. Ты просто очень устала. И я думаю, что помимо этих мрачных видений тебя пугает кое-что еще.

– Необходимость поговорить с сэром Мюрреем?

Нора вздохнула и кивнула.

– Ты ведь сказала, что он защитил тебя от толпы. Разве это не хороший знак?

– Да, но это не означает, что он поверит в мои видения и что они помогут ему найти жестокого убийцу. Я уже говорила Уолину, хотя, наверное, зря, что сэр Торманд может подумать, что я пытаюсь с помощью некоей новой уловки заинтриговать его, чтобы потом забраться к нему в постель. – В ответ на смех Норы Морейн улыбнулась, но тотчас приняла серьезный вид. – Пока я могу сказать ему совсем немного: я видела окровавленный нож, слышала тихий ледяной голос и чувствовала тяжелый запах, похожий на запах духов, которыми пользуются знатные дамы. Этого недостаточно. Я должна знать больше, чтобы помочь ему поймать этого безумца. Иначе сэр Торманд обречен. Ведь именно об этом мне шепчет голос в моих видениях.

– Шепоток подозрения становится громче, – сказал Торманд, когда он и Саймон почти бегом следовали за большой гончей, которая уверенно шла по еще одному кровавому следу.

– Я знаю, но пока это только разговоры, – ответил Саймон.

– Не старайся меня успокоить, Саймон. Петля на моей шее начинает затягиваться, и мы оба это знаем.

Когда гончая сделала стойку возле лачуги пастуха, Саймон остановился и взглянул на Торманда:

– Сейчас не время терзаться из-за слухов. Нам нужны весь наш ум и все наши силы, чтобы схватить этого безумца. Мари была хорошей и порядочной женщиной.

– Да, именно такой, – согласился Торманд, чувствуя на сердце груз печали.

– А ведь ты и с ней спал.

– Это было очень давно. Тогда она оплакивала своего первого мужа, который умер за полгода до нашей встречи. Одиночество просто разъедало ее душу. Родственники мужа, словно коршуны, пытались растащить все, что ей оставил супруг. Ни дня не проходило без ссоры или тяжбы с ними. – Он встретил взгляд Саймона и твердо произнес: – Это не было соблазнением. Скорее – утешением. И произошло лишь однажды. Ее второй муж знал об этом, перед венчанием она все ему рассказала, и он отнесся к этому с пониманием.

– Ну что ж, это объясняет, почему он ни словом не обмолвился о тебе.

– Да, но те, кто окружает его, с пеной у рта клеветают на меня. Мы с Мари расстались друзьями и больше никогда не делили постель. Но боюсь, что дружеских отношений было недостаточно, чтобы многие поверили, что мы остались любовниками. Это моя вина.

Саймон поморщился:

– Мне бы очень хотелось заверить тебя, что это не так, но похоже, что это правда. Ты из тех мужчин, которым достаточно появиться рядом с девушкой, чтобы окружающие поверили, что ты спишь с ней. Хотя на самом деле все может быть совсем не так. Думаю, что твоим соперникам проще считать, что тебе так легко удастся соблазнить женщин только потому, что ты используешь какое-то снадобье, а может, и магию. Они просто не хотят верить, что ты обычный человек, которого Господь наградил смазливой физиономией, которая так нравится всем, кто носит юбки.

Торманд посмотрел на Саймона с видом дружеского осуждения:

– Спасибо, Саймон. Ты меня очень утешил.

– Всегда рад. – Саймон тяжело вздохнул. – Что ж, мы достаточно потратили время впустую. Давай на этом остановимся.

Как и опасался Торманд, все было ужасно, а кое в чем и того хуже. Он смотрел на окровавленную постель, изрезанную одежду Мари и чувствовал, как на глаза наворачиваются слезы.

Он действительно очень хорошо относился к Мари, считая ее своим другом. Такие же чувства он испытывал к ее мужу, Дункану, который сейчас так искренне оплакивал ее. Торманд очень надеялся, что Мари умерла быстро, что Господь всемилостивый остановил ее доброе сердце до того, как боль достигла своего страшного пика.

– Я должен убить этого упыря, – произнес Торманд тихим, но жестким от жажды мщения голосом. – Но прежде чем он умрет, я хочу, чтобы эта тварь испытала такую же боль и ужас, какие столь бессердечно навлекла на этих женщин.

– О таком подарке я молюсь каждый день, – скрипнув зубами, так же тихо ответил Саймон и начал осматривать пол крошечной лачуги пастуха.

Когда Саймон поднял с пола какую-то вещицу, Торманд подошел поближе.

– Что ты нашел?

– Еще одну костяную заколку, – ответил Саймон.

– И это в хижине пастуха?

– Странно, как она могла оказаться здесь? К сожалению, это не улика, ведь многие женщины пользуются такими.

– Получается, ее мог обронить кто угодно. Например, какая-нибудь простушка, уединившаяся здесь со своим возлюбленным.

Саймон кивнул и, еще раз окинув хижину взглядом, направился к выходу. Торманд последовал за ним.

– И все же разве не странно, что на месте убийства мы каждый раз находим заколку?

Торманд уставился на Саймона в изумлении:

– Ты ведь не думаешь, что ко всем этим убийствам может иметь отношение женщина? Да, я знаю, что женщина может быть такой же порочной и жестокой, как и мужчина. Но ведь требуется огромная физическая сила, чтобы совершить подобные убийства. Нужно не только захватить жертву, но и привезти ее туда, где можно пытаться и убить, а после вновь переправить домой.

– Я знаю это. И потому я не считаю эти заколки крошечными стрелками, указывающими на убийцу. Тут загадка. Возможно, преступник убивает женщин из-за того, что они не были верны мужьям, и оставляет заколку как определенный знак, как метку.

– Но зачем выбирать именно тех женщин, с которыми я когда-то спал?

– Это очень хороший вопрос.

Торманд тихо выругался, и они отправились в долгий обратный путь в город. Каждое следующее место убийства находилось дальше, чем предыдущее. Он молил Бога, чтобы убийств больше не было, но уж если такое случится, пешком за преступником не угнаться, надо скакать верхом.

По телу Торманда пробежала дрожь. Он подумал, что вряд ли сможет выдержать вид еще одного истерзанного женского тела. Чувство вины лишало его сна. Окружающим еще предстояло найти доказательство, что он каким-то образом связан с этими убийствами, но сам факт, что все эти женщины некогда делили с ним постель, нельзя было оставлять без внимания. Все большее число людей начинало замечать это прискорбное совпадение, и шепоток подозрения с каждым днем становился все громче. Он почти воочию видел, как палач приглашает его на эшафот.

К тому времени, когда друзья добрались до дома Торманда, он чувствовал себя совершенно измученным и душой и телом. Одного взгляда на его друга было достаточно, чтобы понять: состояние Саймона было немногим лучше. Больше всего Торманду хотелось принять горячую ванну и надеть чистую одежду, чтобы избавиться от запаха смерти, казалось, витавшего вокруг него. А затем – обильная трапеза и мягкая постель. Он не сомневался, что о том же думает и Саймон.

Открыв дверь, Торманд тотчас услышал голоса. Войдя в дом, он бросил сердитый взгляд в направлении зала. И узнал эти голоса. Прибыло его семейство.

– А, явился, – произнес Уолтер, направляясь к нему и держа в каждой руке по объемистому кувшину с напитками. – Здесь твои братья и кузены. Они не очень тобой довольны.

Прежде чем Торманд успел сказать, что это его не слишком волнует, Уолтер исчез за высокими дверями большого зала. Он знал, что Уолтер немедленно сообщит собравшимся о его возвращении. Торманд посмотрел на Саймона, и не сговариваясь они поспешили наверх. Торманд не собирался выносить допрос своего семейства, предварительно не приняв ванну и не сменив одежду. Если от него будет исходить запах крови и смерти, трудно будет убедить родственников, что, несмотря на все досужие сплетни, его дела не так уж плохи.

Прошло больше часа, прежде чем Торманд почувствовал себя готовым встретиться со своей семьей. Большую часть этого времени он провел, сидя в ванне, размышляя о том, что ему следует рассказать и о чем умолчать. Интуиция подсказывала, что глупо пытаться утаить правду от своей семьи, но все же он собирался приложить к этому все усилия. Не хотелось, чтобы его матери снова пришлось пережить тревогу за своего сына. Если ради ее спокойствия ему придется солгать, он это сделает. А если его кузены все-таки узнают правду, тогда ему придется заставить их солгать.

– Готов? – спросил Саймон.

Торманд, не слышавший, как Саймон вошел в спальню, вздрогнул от неожиданности и машинально кивнул.

– Полагаю, что да. Очень некстати все это, – пробормотал Торманд. – Я не приглашал их. Сейчас они начнут изводить меня каверзными вопросами. – Братец уже чуть не выбил дверь, требуя, чтобы я спустился вниз, как только закончу приводить себя в порядок, – Торманд нахмурился. – Похоже, они явились, чтобы совать свои длинные носы в мои дела.

Саймон усмехнулся:

– Нормальный человек был бы благодарен за такую заботу, исходя хотя бы из интересов семьи.

Торманд, прищурившись, посмотрел на Саймона. Он понимал, что друг прав, но признать это был не в состоянии. Он также знал, что у Саймона осталось мало родственников, а те, что остались, не питали к нему теплых чувств. Безусловно, Торманд очень хорошо понимал, какое счастье быть частичкой огромного клана, однако временами ему хотелось поделиться этим счастьем с кем-нибудь другим.

– Мне очень хотелось бы понять, как они узнали о моих неприятностях? – спросил Торманд, когда они с Саймоном направлялись в главный зал.

– Ты уверен, что они здесь из-за этих убийств?

– Да. Мы ведь виделись совсем недавно, поэтому вряд ли они загорелись желанием снова лицедреть мою физиономию.

Как только Торманд вошел в зал, все четверо его братьев разом обернулись к нему. Кузены Рори и Харкурт выглядели вполне довольными жизнью, а вот его родные братья Беннет и Уильям явно были обеспокоены. Они понимали, что брат не хочет, чтобы семья оказалась замешанной в той неприятной ситуации, в которой оказался он. Торманд весело оглядел присутствующих и тут же заметил Уолтера, который с подозрительно невинным видом вертел в руках серебряный кубок.

– Похоже, я знаю, кто послал весточку моим родственникам, – тихо сказал Торманд Саймону.

– Хорошо, только не убивай его сразу, – ответил Саймон с ноткой насмешливости в голосе. – Мне бы хотелось насладиться трапезой.

– Согласен. Я убью его позже.

Торманд выпрямился и, улыбаясь, прошел к своему месту, стараясь вести себя так, словно не ему предстояло подвергнуться допросу семейной инквизиции.

Глава 5

– Тебе необходимо уехать, – решительно стукнув по столу ладонью, сказал Беннет. Торманд и Саймон, закончив рассказ, вернулись к трапезе. – Если тебя здесь не будет, тебя нельзя будет обвинить во всех этих смертях. Все, что тебе необходимо сделать, так это дожидаться, когда убийцу поймут или когда случится новое несчастье – в то время как ты будешь далеко отсюда. Тогда твои неприятности закончатся, ведь тебя не смогут обвинить в том, что произошло, если ты будешь в сотне миль от места преступления.

Это было верно, но Торманд не сразу согласился со своим младшим братом. Его терзали сомнения. Если женщин убивали из-за него, то, уехав, он мог спасти несколько жизней. Однако куда бы он ни направился, убийца мог последовать за ним и начать убивать женщин уже на новом месте.

Он почувствовал легкое замешательство, когда внезапно понял, что в Шотландии не так много мест, где не было бы женщин, с которыми он некогда делил постель. Даже если он вернется в свой родовой замок, то в опасности могут оказаться и те немногие женщины, которые работали на его семью и никогда не были его любовницами.

Он вырос в строгих правилах, по которым мужчины не должны были заводить интрижек с прислугой. И этот негласный запрет никогда не нарушался его родственниками, за очень немногими исключениями. Однако это не означало, что убийца знал о существовании такого правила или считал, что Торманд всегда ему следовал. Тем более что очень немногие так считали.

Кроме того, покинуть город в такой момент, по сути сбежать, – сам этот поступок имел отвратительный привкус трусости. Торманд знал, что многие благородные люди шли на эшафот ради того, чтобы не уронить свое достоинство, и он, будучи рыцарем по рождению, не мог поступиться честью и сбежать от опасности даже под угрозой смерти. Помимо всего прочего, его отъезд сыграет на руку тем его недругам, которые считают виновным именно его, особенно если настоящий убийца последует за ним и здесь убийства прекратятся.

– Я не думаю, что это хорошая идея, – сказал Саймон, избавляя Торманда от неприятной необходимости объяснять, почему он собирается отказаться от того, что на первый взгляд кажется вполне разумным. – Она не продумана до конца. Это будет слишком походить на бегство от справедливого возмездия за свои преступления. Однако может наступить время, когда для Торманда будет разумнее скрыться. Я даже нашел для него подходящее убежище.

Торманд посмотрел на своего друга с удивлением:

– В самом деле?

– Да. Я посчитал это разумной мерой предосторожности. С каждым новым убийством тебя подозревают все больше. Круг сужается.

– Не могу поверить, что кто-то вообще может думать, что я способен сделать такое.

– Большинство так не думает. Вот почему тебе до сих пор не пришлось спастись от разъяренной толпы. Но тот факт, что ты состоял в любовных отношениях с каждой из погибших женщин, мало-помалу подтачивает веру в твою невиновность. В простое совпадение легко было верить после первого убийства, но теперь уже произошло и второе, и третье. И все эти дамы были твоими любовницами. Поскольку мы не продвинулись в наших поисках, боюсь, вскоре произойдет четвертое. Думаю, мы оба знаем, что очень велика вероятность того, что и очередная жертва окажется твоей бывшей возлюбленной.

– Но если его не будет здесь, когда это случится? – спросил Уильям; в его зеленых глазах металось искреннее беспокойство за жизнь своего брата.

– Как я уже сказал, это будет очень похоже на бегство преступника, – прервал его Саймон.

Торманд вздохнул:

– К сожалению, и я так думаю.

– Лучше некоторое время считаться виновным, чем отправиться на виселицу, – выпалил Беннет. Он сделал большой глоток эля, словно пытаясь охладить бушующий в его душе гнев.

– Я не допущу, чтобы его повесили, – сказал Саймон тихо, но таким твердым голосом, что собеседники успокоились, поверив слову рыцаря. – Я всегда буду рядом с ним и в случае необходимости без малейших колебаний отошлю Торманда как можно дальше.

– Понятно, а я-то думал, что ты не покидаешь меня лишь потому, что мы друзья, – пробормотал Торманд.

Не обращая внимания на реплику друга, Саймон продолжил:

– Нельзя не учитывать и тот факт, что убийца может последовать за Тормандом, куда бы он ни отправился, а значит, женщины будут погибать снова.

– Следовательно, ты твердо уверен, что все это каким-то образом связано с ним? – спросил Харкурт. При этом его глаза цвета янтаря горели решимостью воина, готового ринуться в битву.

– У нас нет доказательств, – ответил Саймон, – но я в это верю. В этом городе не так много девушек, с которыми не спал наш герой. – По губам Саймона скользнула легкая усмешка, когда на его замечание Торманд ответил обиженным ворчанием. – Но никого из них пока не убили. Поэтому надежда на то, что все это лишь трагическое совпадение, остается, хотя с каждой новой смертью она неудержимо тает. Двое из троих вдовцов хотя открыто и не обвиняли Торманда, ничего не делали, чтобы на корню пресечь растущие подозрения. Тот же, кто мог выступить в его поддержку, вернулся в свое поместье, сопровождая тело жены, и, несомненно, на некоторое время останется там, хотя бы для того, чтобы позаботиться о своих маленьких сыновьях.

– Чем больше ты говоришь, тем яснее становится, что мы вряд ли что-то можем сделать, чтобы остановить мерзавца.

– К сожалению, ты прав, мы можем лишь продолжать наши поиски. Да, страшно раздражает, что нам до сих пор почти ничего не удалось выяснить, но за годы разгадывания подобных загадок я хорошо усвоил одно: преступником обязательно будет допущена ошибка. Либо будет обнаружено что-то, что приведет нас, возможно, прямо к двери этого негодяя. Либо кто-нибудь обязательно увидит или услышит то, что поможет нам найти этого зверя, либо сам убийца в конце концов потеряет осторожность.

– Либо мы возьмем то, что вы нашли возле одной из убитых женщин, отнесем к колдунье Росс и посмотрим, что из этого выйдет, – подал голос Уолтер и, когда присутствующие с удивлением уставились на него, пожал плечами.

Саймон достал из висящего на поясе кошелька костяные заколки и задумчиво посмотрел на них.

– Ну что ж, возможно, это мысль. Такая же пришла в голову Торманду, между прочим, сразу же после того, как он увидел колдунью.

Уолтер поморщился:

– Это может быть не очень хорошо.

– Ты знал, как она выглядит? – спросил Торманд своего сквайра.

– Но сначала, – быстро вмешался Саймон, прерывая назревающий спор и глядя на Торманда, – ты составишь список всех женщин, с которыми у тебя была связь, в первую очередь внеси в него тех дам, которые проживают в нашем городе и в округе. Возможно, и тех, что путешествуют со двором.

– Но, черт побери, Саймон, вряд ли этим дамам понравится, что я разглашаю то, что они, вероятно, пытались сохранить в тайне, – проворчал Торманд.

– Боюсь, что твои похождения уже ни для кого не являются секретом. Полагаю, я и сам мог бы составить довольно точный список твоих нимф, основываясь на тех сплетнях, которые

мне довелось слышать. Тебе известно, что твои любовницы почти открыто восхищаются тобой, как призом, завоеванным на альковном турнире?

Торманд почувствовал, как неожиданно густой румянец заливает его щеки, и сердито взглянул на своих захихикавших родственников, затем бросил недовольный взгляд на друга:

– Ладно, я составлю такой список, но не сегодня вечером.

– Согласен. А нынче надо всем как следует отдохнуть.

Несмотря на страшную усталость и острую потребность в отдыхе, Торманд добрался до своей кровати очень поздно. Разместив гостей, он закрыл за собой дверь спальни, наслаждаясь одиночеством. Последние дни Саймон и Уолтер постоянно находились рядом, поэтому только теперь он мог собраться с мыслями и хоть на короткое время отделаться от отчаяния из-за того, что до сих пор не удается найти неуловимого как дым убийцу. Чутье подсказывало Торманду, что совсем скоро ему необходимо будет скрыться. Саймону до сих пор везло, казалось, что он способен решить любую проблему. Однако до сих пор даже ему не удалось найти ничего, что могло бы привести их к убийце, а значит, и в этом Торманд не сомневался, придет черед и других смертей. Убийства будут продолжаться до тех пор, пока сэр Торманд Мюррей не взойдет на эшафот, чтобы умереть за преступления, которых не совершал.

Он жестко растер лицо и попытался выкинуть из головы мрачные мысли. Ему необходимо выспаться. Торманд закрыл глаза и сразу представил себе Морейн Росс. Сразу же захотелось улыбнуться, да и тело, напрягшись, заявило о своем интересе. Прошло уже довольно много времени с того момента, как мысль о женщине могла возбудить в нем желание, но Морейн Росс это удалось. Торманд понимал, что разумнее всего было выбросить из головы мысли об этой женщине, но не стал этого делать. Гораздо приятнее было представлять соблазнительную Морейн, чем вспоминать о крови, смертях и страданиях.

Окончательно проваливаясь в сон, он не переставал думать о Морейн, и уже ничем не сдерживаемые мечты уводили его все дальше. Торманд медленно стягивал с нее одежду, покрывая поцелуями каждый дюйм ее обнажающейся золотистой кожи. Он с наслаждением ощущал ее тонкие пальцы в своих волосах и, как волшебную музыку, слушал тихие стоны переполненной желанием женщины. Негромкий вскрик удивленного восторга слетел с ее соблазнительных губ, когда он начал ласкать ее роскошную грудь, сначала ладонями, потом нетерпеливым и жадным ртом. Сжигаемые жаром желания, ее глаза потемнели, став цвета беснующегося от шторма моря, и Торманд почувствовал, как его бросает в их загадочную глубину, как его захватывает ее красота и желание утонуть, остаться навсегда в этой бездне. Но когда он уже был готов слиться с ней в единое целое и с восторгом окунуться в вихрь страсти, как все начало меняться.

Мрак черным смерчем закружился вокруг их сплетенных тел. Разгоряченное страстью женское тело, которое он с таким восторгом держал в своих объятиях, превратилось в окровавленный труп. Прекрасные глаза, оттененные влажной поволокой страсти, исчезли, и он увидел перед собой пустые черные глазницы оскаленного черепа, а возникший ниоткуда голос с жуткой вкрадчивостью спросил, как ему нравится его новая возлюбленная.

Торманд так резко сел в постели, что едва не свалился со своего ложа. Утирая холодный пот, он с трудом успокоил дыхание. В доме было тихо, никто не стучал с беспокойством в дверь его спальни, а значит, слава богу, он по крайней мере не кричал во сне от ужаса. Торманд, шатаясь, доковылял до маленького столика у камина и налил себе вина. Потребовалась одна полная кружка и еще полкружки, прежде чем его сердце стало биться медленнее, затем нормально, а руки перестали трястись.

Он смыл с себя пот и заполз обратно в постель. Если этот ужас будет повторяться каждый раз, как только он закроет глаза, ему никогда больше не заснуть. Первую часть сна понять было легко. Морейн Росс показалась ему очень привлекательной. Но его беспокоила концовка сновидения. Может, именно эта девушка стала порождением тех ужасов, которые ему довелось

увидеть? Или еще хуже, не было ли это намеком на будущее, предупреждением, что если он позволит себе увлечься Мореин, ее постигнет участь убитых женщин? Он молился, чтобы это было не так, поскольку Мореин показалась ему очень соблазнительной, а он был не из тех, кто может с легкостью противостоять соблазну.

Вино подействовало, и, наконец расслабившись и вновь погружаясь в сон, Торманд подумал: действительно ли у Мореин бывают видения? Неужели она обладает способностью, дотронувшись до предмета, понять связанные с ним тайны? Если это так, то Мореин Росс именно тот человек, который нужен им с Саймоном, чтобы найти убийцу.

А если она будет помогать им, то, значит, они будут рядом и смогут защитить Мореин. Решив, что с такой защитой девушка будет в достаточной безопасности, чтобы он мог позволить себе не противиться соблазну, Торманд наконец заснул.

На этот раз Мореин удалось сдержать крик; сев в кровати, она потянулась к кружке с сидром, которую теперь держала поблизости, и сделала большой глоток, стараясь смыть застрявшую в горле горечь ужаса. Потребовалось еще несколько минут, чтобы успокоить неровно бьющееся сердце.

Если эти сновидения не прекратятся, то скоро они измотают ее до такой степени, что она не сможет выполнять даже простейшую работу по дому. Кроме того, Мореин опасалась, что из-за этих снов она вообще перестанет спать.

Она поставила почти пустую кружку и сжалась под одеялом, уговаривая себя заснуть, чтобы получить столь необходимый ее измученной душе отдых, но ей было страшно закрывать глаза. Слишком реальным был ужасный вид ее собственного обезображенного тела, глядящего во тьму пустыми глазницами.

И вновь этот ужас ворвался в ее сон после прекрасного видения страстной любовной сцены, в которой она участвовала с Тормандом. Она почти ощущала прикосновение его губ к своей груди. Теплая истома, разлившаяся по ее телу при воспоминании об этой прекрасной картине, лишь подтверждала, насколько ярким и желанным было это видение. Пожалуй, для девственницы у нее были слишком яркие и слишком грешные сновидения о сэре Торманде Мюррее. Воистину милость Божья, что она довольно редко видит его, в противном случае она не смогла бы противиться соблазну, который, казалось, источал этот мужчина.

Но если она поддастся этой слабости, ей придется дорого заплатить за это, подумала она, и по телу девушки пробежала дрожь. Кровавое окончание сна недвусмысленно предупреждало ее о грядущем несчастье, хотя в этом Мореин не была твердо уверена. Но скорее всего, если она пустит Торманда Мюррея в свою постель, ее ждет печальная участь несчастных женщин, которым перед смертью пришлось испытать ужасные страдания. Она с сожалением подумала о том, что такие мысли могли прийти ей в голову под впечатлением сегодняшнего разговора с подругой Норой.

Одна из кошек забралась к ней под одеяло и уютно устроилась подле Мореин, успокаивая девушку своим теплом. Положив руку на шелковистую шерстку своей любимицы, Мореин попыталась понять, было ли это страшное видение картиной грядущего, или это предупреждение свыше, всего лишь призывающее ее быть осторожной? Поскольку Мореин не видела причин, по которым такой знатный рыцарь, как Торманд Мюррей, мог бы заинтересоваться простой горожанкой, она начала гадать, зачем Господь послал ей это предупреждение.

Потому что она испытывает к нему влечение, подумала Мореин со вздохом. Она сколько угодно могла не признаваться себе в этом, но в ее сновидениях истина выходила наружу. Мореин лежала, закрыв глаза, не в силах поверить в собственную глупость. Сэр Торманд Мюррей – рыцарь, погрязший в плотском грехе и – если верна хотя бы часть слухов, ходивших о нем, – не прилагавший никаких усилий, чтобы противостоять малейшему соблазну. В течение нескольких лет Мореин боролась с собственной плотью и с теми, кто не прочь был воспользо-

ваться одиночеством девушки и ввергнуть ее в пучину греха. И что же, все для того, чтобы отдать свою девственность такому вертопраху, как сэр Торманд?

Морейн перевернулась на спину, и когда пушистый Григор, устраиваясь поудобнее, положил ей голову на живот, она начала ласково поглаживать лобастую голову кота. Его громкое мурлыканье действовало успокаивающе, и Морейн почувствовала, как улетаются остатки ночного кошмара, как постепенно отступает тревога, дыхание становится тише, и она вновь погружается в сон. Утром она решит, достаточно ли у нее оснований, чтобы отправиться к сэру Иннесу и сэру Мюррею и рассказать о своих видениях. Принимать такое решение нужно только на свежую голову. Ведь ей могут и не поверить. Но если рыцари поверят ей, она будет проводить слишком много времени рядом с мужчиной, о котором мечтала в своих снах и которому с радостью отдала бы не только свое тело, но и душу.

Яростное шипение внезапно отвлекло внимание Морейн от кормления цыплят. Ее серый кот Уильям, до этого спокойно сидевший на низкой каменной стене, окружающей примитивный курятник, вдруг низко припал к камням, прижав порванные в боях уши к голове. Шерсть у кота встала дыбом, а кончик его длинного хвоста нервно подергивался из стороны в сторону. Морейн посмотрела в том направлении, куда уставился кот, но ничего не увидела. Однако настороженность не покинула ее. Уильям всего лишь кот, но он никогда не ошибался, когда чувствовал угрозу, и не раз предупреждал ее о возможной опасности.

Морейн едва успела закрыть цыплят в курятнике, когда услышала приближающийся стук лошадиных копыт, и ее сердце подскочило от страха.

– Уолин, – позвала она мальчика, игравшего с тряпичным мячом позади дома, – сейчас же иди в дом.

Уолин схватил свой мяч.

– Ты хочешь, чтобы я спрятался?

– Да, малыш, по крайней мере пока я не узнаю, чего хотят люди, которые скачут к нам.

– Может быть, тебе тоже нужно спрятаться?

– Они меня уже видели. Иди же.

Как только мальчуган исчез в доме, Морейн направилась к воротам, собираясь встретить незваных гостей снаружи. С удивлением она наблюдала, как ее кошки вмиг высыпали из дома и окружили ее, явно давая понять, что готовы встать на защиту хозяйки. Морейн понимала, что бедные животные никак не могут защитить ее от шестерых всадников, но девушка не стала их прогонять. Она слишком хорошо помнила, как часто точно нацеленный удар лапой с острыми когтями позволял ей освободиться от недоумков, которые считали, что она должна с радостью принимать их знаки внимания только потому, что у них в кармане позвякивало серебро. Серый Уильям питал особую ненависть к мужчинам, и иногда это его качество помогало ей.

Когда всадники оказались достаточно близко, у Морейн перехватило дыхание. К ней пожаловал сэр Торманд Мюррей, и ей оставалось только гадать зачем. Неужели кто-то рассказал ему, что у нее бывают видения? Может, он ищет ее помощи? Если это так, тогда она, без сомнения, расскажет ему о своих странных снах. Присутствие сэра Саймона она еще могла объяснить, но ей было непонятно, с какой целью прибыли остальные четверо. Столь внушительная кавалькада у двери ее дома вызывала беспокойство.

– Госпожа Росс, – приветствовал ее сэр Саймон, осадив лошадь, – извините нас за вторжение. Поверьте, мы приехали сюда не для того, чтобы доставить вам какие-либо неприятности.

– Да? – Она поверила вельможе, но все же спросила: – А зачем же тогда эти люди?

Торманд недовольно оглянулся на спутников.

– Они решили, что нам нужна защита. – Он посмотрел на нее. – Но на самом деле им просто любопытно.

– Посмотреть на колдунью? – спросила она, с легкой усмешкой разглядывая сопровождающих. – Вы собираетесь познакомить меня с этими джентльменами?

Торманд так тяжело вздохнул, что она снова с трудом сдержала улыбку. Пока Мюррей представлял своих братьев Беннета и Уильяма, а затем кузенов Харкурта и Рори, Морейн успела внимательно рассмотреть молодых людей, которые являли собой роскошное зрелище для женских глаз. Да, после такого визита городок просто разбухнет от сплетен и пересудов. Приглашая неожиданных гостей в дом, Морейн вдруг сообразила, что шестеро высоких и широкоплечих мужчин вряд ли поместятся в ее крохотном жилище.

Тем не менее она уже гостеприимно распахнула дверь, когда Торманд неожиданно остановился, глядя на Уильяма.

– Какой огромный кот! Таких я, пожалуй, еще не видел, – сказал он и потянулся, чтобы погладить его.

– Будьте осторожны, сэр, – предупредила его Морейн, – Уильям не жалует мужчин. – И почувствовала, как тревожно подпрыгнуло у нее сердечко, поскольку Торманд уже чесал за рваными ушами Уильяма. – Как странно, – пробормотала она, моля только, чтобы такое поведение кота не было знаком того, что Торманд явился сюда с самыми лучшими намерениями.

– А что, если ему просто не доводилось встречаться с мужчинами, которым следует доверять? – Торманд произнес эти слова вполне дружеским тоном, но в душе у него родился вопрос: что же за люди встречались на пути этой девушки?

Он слегка нахмурился, когда она ввела их в свой маленький чистенький домик. Мысль о том, что здесь, в этой бедной, но вполне уютной комнатке рядом с ней может обитать какой-то мужчина, беспокоила его, и это было весьма похоже на ревность.

Он не сомневался, что многие холостые, и не только, горожане докучают ей своими, с позволения сказать, ухаживаниями, полагая, что одинокая, оставшаяся без семьи бедная девушка должна быть вполне доступной, но не появился ли среди этих ухажеров тот, кому она ответила взаимностью?

Стремление поскорее получить ответ на этот вопрос тревожило Торманда. Конечно, он желал ее, был бы не прочь уложить в постель, но не хотел испытывать более сильного чувства. Торманда не волновало ее происхождение, и, уж конечно, ему было абсолютно безразлично, кем считают ее суеверные глупцы, но он просто не готов был изменить свой образ жизни. Он хотел, чтобы она стала его любовницей, но не больше. Ему всего лишь тридцать один, и наследник ему пока не нужен. Впереди еще несколько лет вольной жизни, а уж потом Торманд Мюррей начнет искать пристанища, тихой и спокойной гавани. Сейчас он воздерживается от таких игр просто потому, что любой мужчина нуждается в передышке от слишком бурных плотских увлечений, сказал он себе.

Когда Морейн привела и представила гостям Уолина, Торманд с усилием удержался, чтобы не нахмуриться. С голубыми глазами и черными волосами, мальчик был очень похож на Морейн, но больше всего его обеспокоило не это. Мальчуган сильно напоминал Торманду кого-то еще. Однако ему так и не удалось вызволить из памяти нужное воспоминание, которое продолжало прятаться где-то в глубинах подсознания.

Вскоре гости, получив по кружке отличного сидра, тесно уселись вокруг стола, на который Морейн поставила большую миску с овсяными лепешками, щедро политыми медом. Некоторое время разговор шел вяло, и Торманд лишь наблюдал, как его родственники пытаются заигрывать с Морейн. Это раздражало, хотелось даже прервать, по всей видимости, напрасно затеянный визит. Но в этот момент Морейн остановила на нем взгляд своих глаз цвета морской волны, и Торманд почувствовал, как его сердце подпрыгнуло от радости.

Это не очень хорошо, размышлял он. Совсем ни к чему. К сожалению, у него не было никакого желания сбежать отсюда, хотя происходящее все больше и больше начинало похо-

дить на ловушку, в которую уже попали слишком многие из его родственников, – ловушку, в которую попадает сердце мужчины.

– Очень приятно принимать гостей, это вносит желанное разнообразие в мою монотонную жизнь, – сказала Морейн, – но мне кажется, вы приехали сюда не для того, чтобы познакомиться меня со своими родственниками, сэр Торманд.

– Конечно, нет, к тому же я не приглашал этих чудаков составить нам с Саймоном компанию, – ответил Торманд, бросив на своих ухмыляющихся братьев взгляд, весьма далекий от братского. – Просто эти господа решили, что я нуждаюсь в защите, и пристали ко мне, словно репей к собачьему хвосту.

Морейн с грустью позавидовала Торманду. Ведь несмотря на то что Торманд делал вид, что сердится на братьев, было видно, что он по-настоящему любит их. Они были его семьей, и Морейн без труда поняла, насколько крепки связывающие их узы. А вот у нее никогда не было семьи. Как рассказывала мать Морейн, сразу после ее рождения отец бросил их, а мать так и не смогла по-настоящему полюбить ее. Она никогда не наказывала Морейн, но и не испытывала никаких чувств к своему единственному ребенку, так что Морейн росла как деревце, о котором забыл садовник.

Она решительно отринула грустные мысли. В конце концов, ее мать всегда заботилась о том, чтобы у ребенка была еда, одежда и крыша над головой. Она также передала Морейн свое умение врачевать страждущих – способность, которую Эйни Росс развивала в себе и дочери с настоящей страстью. После жестокого изгнания из города приобретенные знания позволили Морейн как-то устроить свою жизнь. Поэтому, даже если бы мать передала ей по наследству только этот дар, Морейн все равно была бы ей благодарна до конца жизни. Пусть у нее нет красивой одежды и большой любящей семьи, как у этих Мюрреев, но зато у нее есть то, чего нет у других: способность помогать людям.

– Мы слышали, что у вас бывают видения, – брякнул без дальних подходов Торманд. Он понимал, что это не лучшее начало разговора, но не знал, как более тонко подступиться к делу.

Морейн несколько замешкалась с ответом, опасаясь признаваться в том, за что многие считали ее ведьмой, но потом вспомнила, как сэр Торманд защищал ее от разъяренной толпы.

– Да, иногда, – ответила она. – Видения, сновидения – называйте это, как вам будет угодно.

– Из-за них она кричит по ночам... – сказал Уолин.

– Ну, не всегда. – Морейн подвинула к мальчишке миску с овсяными лепешками в надежде, что еда заставит его немного помолчать. – Но я не могу вызывать видения по чьему-то желанию. Они приходят ко мне сами. И к тому же не всегда понятно, что именно они означают.

Услышав колебание в ее голосе, Торманд сказал:

– Не бойтесь, мисс. В клане Мюрреев есть люди, обладающие подобным даром. В основном это девушки. Поверьте, никто из нас не считает вас колдуньей. Более того, и я, и сэр Саймон, и мои братья считаем ясновидение особым талантом.

Морейн с удивлением посмотрела на этого необычного человека. Украдкой взглянув на остальных гостей, она поняла, что Торманд несколько не лукавит. Рыцари молча и с сочувствием смотрели на нее, словно понимая, каким тяжелым грузом ложится такой перст судьбы на плечи избранника. Морейн знала некоторых людей, которые считали ее способности дарованными Богом, а не дьяволом, но она никогда не встречала тех, кто бы открыто признавал, что члены его семьи обладают похожим дарованием. А в голосе сэра Торманда, когда он говорил об этом, даже звучала нотка гордости.

– Так почему бы вам не обратиться к ним? – спросила она.

– Если бы кто-то из них смог что-либо узнать, мне бы прислали весточку. Правда, одна из моих кузин говорила, что мне грозит опасность, но какая именно – объяснить не смогла. Мои

братья решили все-таки защитить меня, и именно поэтому вы видите здесь наш небольшой отряд.

Трудно было удержаться от того, чтобы не расспросить Торманда о его семье и способностях, которыми, по его словам, обладали его родственники, но Морейн подавила это побуждение.

– Если вы знали о грозящей вам опасности, то почему же не уехали отсюда?

– Потому что это слишком походило бы на бегство виновного, и, кроме того, убийца может последовать за мной, так что мой отъезд не положит конец его злодеяниям. Появятся лишь новое место и новые жертвы.

Она кивнула:

– Да, сэр, у меня, гм... были видения, которые указывали, что вы каким-то образом связаны с этими страшными преступлениями, хотя убийца не вы. В моих видениях вы могли стоять в луже крови, но ваши руки оставались чисты. К сожалению, даже если я поклянусь на Святом Писании, моих слов будет недостаточно, чтобы снять с вас обвинения. Мне могут не поверить.

– Мы понимаем это, госпожа Росс, – кивнул Саймон. – И в наши планы не входит, чтобы вы говорили о таких вещах перед теми, кто готов увидеть руку дьявола в том, чего они не понимают. Мы лишь надеялись, что, возможно, вы поможете нам отыскать этого убийцу. Три женщины мертвы, а мы не имеем ни малейшего представления, кто это сделал или почему. Одни только догадки. Нам крайне необходимо найти какую-то зацепку, с помощью которой мы могли бы двигаться дальше.

– Вы хотите, чтобы я рассказала вам о своих снах? Но к сожалению, в них нет никакого следа. Лицо этого чудовища оставалось во мраке, не выдавало себя.

– Нет, мы пришли сюда в надежде, что вы сможете помочь нам иной гранью ваших необычных способностей.

– О чем вы говорите?

– О вашем даре, прикоснувшись к какой-либо вещи, увидеть то, что с ней связано.

Глава 6

Морейн понимала, что видит три обычных заколки для волос, которые протянул ей сэр Саймон, но никак не могла отделаться от чувства, что на ладони рыцаря лежит гадюка, которую ей надо поцеловать. Она терпеть не могла прикасаться к вещам, ставшим немymi свидетелями смерти, трагедии или насилия, но когда в силу необходимости ей приходилось это делать, возникающие видения, как правило, бывали малоприятными. Если эти вещи были найдены рядом с убитыми женщинами, она боялась той правды, которая могла открыться. Тем более что сны, тревожившие ее в последнее время, были довольно страшными.

– Где вы их нашли? – наконец спросила она, заранее зная ответ. – Такие заколки вряд ли могли принадлежать знатной даме.

Это было не совсем верно, но Морейн сомневалась, что мужчины заметили что-то необычное в этих заколках.

Отвечая на вопрос, Саймон пристально смотрел на Морейн:

– Я находил их на местах преступлений.

– Эти женщины были убиты в своих постелях, не так ли?

– Нет. Их приканчивали в других местах, а когда они были мертвы или почти мертвы, тела переносили в опочивальни. Заколки я находил всякий раз возле жертв. Конечно, они могли принадлежать каким-нибудь женщинам, не имеющим никакого отношения к убийствам, а, скажем, жившим раньше в этих домах или встречавшимся там со своими возлюбленными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.